

ОДНА И ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОСТА.

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Соколовскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ОДНА И ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.
Москва, Декабря 20 дня, 1853 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Мѣшай съ швоею му-
дростію небольшой при-
емъ глупости.

Гораций.

ГЛАВА XLVI.

ЕЩЕ КВИПРОКВО.

Въ моей душѣ разлилъ ка-
кой-то дивный свѣтъ, подоб-
ный свѣту пшхаго весеняго
упра, котораго красота обво-
рожаетъ мое сердце.

Гете.

— » Ну ужъ день!... Верно судьбѣ
хочется *пропечь* насъ хорошенько за
наши грѣхи.... Да я и не помню, пра-

во, этакой жарыщи... А еще начало Юня; что-же будетъ дальше? « говорилъ Вольдемаръ войдя въ номерную комнату одной изъ Московскихъ гостиницъ, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ съ Бѣльскимъ.

— » Скажи, есть-ли по крайней мѣрѣ какой нибудь полкъ, или оная пы прослонялся цѣлое утро даромъ? «

— » Есть - ли полкъ?... Ахъ ты безполковный!... Вѣдь это, я чай, написано у меня на лицѣ.... Только дай мнѣ, ради Бога, опомнисься.... Эй!... Амѣшка!... воды!... льду!... проворно!... «

Кончивъ мытье и полосканье, Поэтъ въ самомъ прохладномъ дезабилье развалился по дивану.... Улыбка удовольствія скользнула по его уснамъ; время опъ времени онъ закрывалъ

глаза, но знапокъ сей часъ-бы опгладь, что это совѣтъ не опъ успалоспи.... По всему было видно, что онъ спарался воспоминашь что - то пріянное, ибо когда онъ подымалъ свои вѣки, то глаза его сіяли опъ полнопы самой чистой радости, смѣшанной съ невольнымъ, сладкимъ умлениемъ сердца.

Человѣкъ принципиальный легко бы могъ постигнушь, что какое-нибудь новое, оживляющее свѣтло возшло на опуманснннй горизонтъ его поэпической души и что теплые лучи эпаго великолѣпнаго, блестящаго явления, спали вызыватьъ изъ нее самыя упопелельныя мечты, какъ солнце вызываетъ ароматныя испаренія изъ цвѣпнаго луга.

Все это умель-бы разглядѣшь каждый, у кого есть въ груди хоть од-

на искра, хопь одинь опблескъ небеснаго, пворческаго огня; кпо хопя не ясно поспигаеть, чпо значить *прекрасное и высокое* въ чувспвахъ; но *восковый сборникъ* мапемапическихъ фигуръ былъ наспоящимъ авпоматомъ въ эпомъ опнощеніи... Вся эспепическая жизнь сердца, вся необъяпная, свѣпмая, полная воспоргомъ фанпазмагорія души, однимъ словомъ, всѣ опвлеченности были для него: *темнѣ вода во облацѣхъ*. Съ профаническимъ равнодушіемъ взглянулъ онъ на своего поварища и заговорилъ о своемъ.

— » Да скажи пожалуйста, нашель-ли пы, или нѣтъ? «

— » Нашель, любезный Вася, нашель!... Иначе чему-бы мнѣ и радоваться? «

— » Ну, чпо-жъ?... Годипся-ли для насъ? «

— » Фи, брапецъ!... Какое низкое выраженіе!... Развѣ не лзя спрашивать о чемъ-нибудь другомъ?... И чпо за мысли?... «

— » Ахъ, бапюшки мои!... Да на шебя не угодишь съ пвоими запѣп-ливными причудами!... Какъ чпо замысли?... Мнѣ вѣдь хочепся-же знать, велика или мала она? «

— » Вопъ эпо дѣло другое!... Она мала, но не смотря на то, почпи осьмое чудо. «

— » О-го-го, какъ громко!... Спало бытъ она почно хороша... какъ слѣдуетъ? «

— » Какое шебѣ: *какъ слѣдуетъ!* Я говорю, чпо она проспо очарованельна. «

— » А вопшь посмоптримъ!... Опиши-ка мнѣ ея расположеніе. «

— » Прямой пы чудакъ!... Какъ-же можно узнать объ эпомъ въ нѣсколь-ко минути? ... Сила въ поэмъ, что пы не налюбуеться ею. «

— » Воля пвоя, а начало очень не опчепливо.... Чпо-то будеть даль-ше? ... Напримѣрь, пы не сказала еще ни слова о цѣнѣ? «

Вольдемаръ вскочилъ какъ испу-пленный и запряся всѣми членами. Гнѣвъ и пренебреженіе выразились на его лицѣ. Не говоря ни слова, мѣрля онъ глазами своего поварица во все его пропяженіе. Бѣльскій спрухнулъ и закричалъ:

— » Молчу, любезный Владиміръ!... молчу!... Я пошупилъ!... Клянусь те-бѣ Господомъ Богомъ!... Говори себѣ что хочешь, а я ни разину рта. «

Эпо успокоило Поэпа; онъ легъ по-прежнему и, повременивъ съ минути, продолжалъ.

— » Да!... Ты не можешь себѣ пред-спавить ее; по мое описаніе ознако-мить шебя нѣсколь-ко. «

— » Разсказывай, сдѣлай милоспѣ! Я чрезвычайно люблю шебя слушать: пы пакой маспакъ на эптъ вещи. « проговорилъ Бѣльскій, спараясь бышь вкрадчивымъ и съ пакою ужимкою, копорая вымалывала о прощеніи. Про-сподушный и добрый Поэпъ под-дался на удочку и спалъ продолжая съ чувспвомъ.

— » Во первыхъ, вобрази себѣ, мой другъ, самый высокій, самый ясный лазоревый цвѣпъ, проникнутый ка-кою-то нѣжною теплопою чувспва, какою-то завлекашельною, сверхъес-

песпивенною панисivenessю: эпо цвѣтъ ея голубыхъ очей!»

Слова сіи поразили Бѣльскаго, какъ будто громовый ударъ.... Онъ вскочилъ въ свою очередь, разинулъ ротъ такъ, что въ него можно было положить гусиное яйцо; выпаращилъ глаза, посмопрѣлъ въ оба на своего друга, какъ на чловѣка, помѣшаннаго, и наконецъ воскликнулъ:

— »Какъ!... что ты!... умиосердись!... У нашей кварпирьы голубые глаза?»

— »Помилуй!... У какой кварпирьы?»

— »Да вѣдь я спрашивалъ у тебя, нашель-ли ты кварпирю, попому что жипъ здѣсь, въ госпинницѣ, совсѣмъ не по нашему карману.«

Вольдемаръ покапился со смѣха и едва могъ сказать съ перемежкой:

— »А я думалъ, что ты спрашиваешь, нашель-ли ячѣмъ мнѣ замѣнить свои бывлыя сердечныя ощущенія... Я видѣлъ сегодня одну дѣвушку и мечпалъ о ней въ то время, когда ты началъ говорить со мною.... То - по я и смопрю, что ты спрашиваешь о расположеніи, о цвѣтѣ... Вотъ презабавная вещь!... Что-бы тебѣ сказать пораньше слово: *квартира?* «

— »А тебѣ самому опть чего - бы не располковать яснѣе, что ты говоришь мнѣ о дѣвушкѣ?»

— »Ну, да ничего!... Мы поквипались: всякая ошибка въ фальшь не спавипись! «

Насмѣявшись до сыпа, Бѣльскій возобновилъ разговоръ.

— »Если хочешь рассказывать о дѣвушкѣ, такъ рассказывай себѣ

сколько угодно своею душою, а мнѣ бы, право, хотѣлось узнать о кварширѣ... Здѣсь и не видишь, какъ идутъ деньги... Все плапи, да плапи: мочи нѣтъ, что за наказаніе; а намъ, можеть бытъ, придется пробывъ въ Москвѣ еще мѣсяца съ два.»

— » Подожди, брапецъ, не горячись!... Ты узнаешь сію минупу, что сегодняшнее упрю было счастливо для насъ обоихъ: слушай-же мои пожденія... Побывавши въ двухъ, въ прехъ домахъ, на которыхъ были прибиты билетики съ объявленіями объ опдачѣ въ наймы и успавши до нельзя, я заѣхалъ къ Спруйскому немножко опдохнуть... Вопъ онъ и спрашиваетъ у меня: » Ну что, любезный Владиміръ Николаевичъ, опыскали-ли вы себѣ кварширку, али нѣтъ еще? « — Нѣтъ, Степанъ Коз-

мичъ!... и не говорите лучше, опывчамъ я. Куда не заѣдешь, все не въ попады: па велика, па мала; эпо про-спо ни куда не годишься... Не знаю, право, что и дѣлать! — » Ну и хорошо!... и не дѣлайте ничего, « сказалъ мнѣ добрый спарикъ. — Какъ ничего? — » А вопъ какъ!... Я ужъ прискалъ для васъ уголокъ, да вѣдь какой?... Чудо, мой милый—и только!... Вчера вечеромъ сажу я у одной моей коропкой знакомой на Варваркѣ, да и говорю ей: къ чему эпо вы, мапушка, нанимаете пакую огромную кварширку?... И въ самомъ дѣлѣ: семейства всего-то на-все она, да двѣ дочери, а комната чупь-ли недюжина... Она разсказала мнѣ, что къ ней хотѣли было прѣхать на годъ ея родные, но что имъ-де не лзя исполнить эпого по какимъ-то общояпельствамъ, а

ужъ она опдала деньги за полгода впередъ... Вонъ пѣ при комналы, прибавила она, совершенно лишнія: я-бы и опдала ихъ въ наймы, да сами посудите, вѣдь надобно знать чемовѣка, а по не равно навяжешь себѣ на шею таково молодца, что не будешь рада и жизни. Оно — бы очень хорошо: пать естѣ даже особый ходъ... Нечего и говорить, что я попчасъ-же поручился за васъ и за вашего поварища, и дѣло было кончено. «

— » Ай да Степанъ Козмичъ! спасибо ему, право!... Ну, а ты что-жь? «

— » Разумѣется, я почасъ разспросилъ обо всемъ: и чей домъ, и какъ зовутъ нашу будущую хозяйку, и кто она; однимъ словомъ, узналъ все, какъ надобно—и опсправился... Пріѣзжаю,

вхожу по лѣспницѣ, обѣ копорой мнѣ говорилъ Спруйскій; оспановился передъ дверью, поправилъ на всякій случай волоса и воропничекъ; дернулъ за шнурочикъ; звонокъ зазвенѣлъ; дверь опкрылась почти въ ту-же секунду; я взоселъ — и едва-едва не ахнулъ опть удивленія!... Передо мной спояла дѣвушка.... Ахъ, Вася!... что, брапецъ, это за дѣвушка! По ея смущенію я попчасъ догадался, что она вѣрно ждала кого-нибудь изъ своихъ и, будучи близко, сама опперла дверь, во-все не думая ни о какой нечаянности... Но если-бъ ты зналъ, какъ идепъ къ ней это смущеніе! «

— » Вѣрю!... вѣрю!... Только говори о кварширѣ! «

— » Дойдемъ и до нее!... Я раскланялся и сказалъ: извините меня, сдѣлайте милоспъ, что я заспавилъ

вась безпокоишься... Она отвѣчала на это такъ, что я не разслушалъ и потомъ спросила громко: кого вамъ надобно?—Александрю Андреевну Вененову.—Не угодно - ли вамъ идти за мною.—Я раскланялся опять и пошелъ по ея слѣдамъ. — Она сей часъ выйдеть къ вамъ, сказала мнѣ голубоокая дѣва и скрылась... Минуть черезъ пять, черезъ шесть, вышла почтенная дама лѣтъ сорока, самой пріятной фizioноміи: это была хозяйка квартиры... Спируйскій - то вѣрно расхвалилъ насъ съ побою до небесъ, потому что послѣ первыхъ объясненій, она обласкала меня, какъ не лзя болѣе, просила бытъ знакомымъ и назначила такую цѣну за наши будущія комнаты, что, право, стыдно сказать. «

Бѣльскій, узнавши, что квартира

въ самомъ дѣлѣ была нанята очень выгодно, и успокоившись такимъ образомъ на счетъ *существеннаго*, перешелъ къ *мелкательнымъ* благамъ своего повараща.

— »А видѣлъ-ли ты еще разъ свою красавицу? «

— »Да ужъ она вѣрно должна принадлежать къ семейству Вененовой или по крайней мѣрѣ знакома съ нею очень коропко, иначе-бы она не открыла мнѣ двери... Это показывается, что она въ домѣ своя. «

Тутъ Поэтъ снова вдаль въ описанія и не жалѣлъ самыхъ пышныхъ эпитетовъ, что-бы украсить миленькую дѣвушку.... Василій Пепровичъ, не понимая претрѣй доли, поддакивалъ по своему обыкновенію. Оба друга были очень веселы и довольны. Для обоихъ будущее казалось пріят-

нымъ, копя совершенно въ разныхъ отношеніяхъ. День прошелъ непри-
мѣтно; на другое утро положено бы-
ло переѣхать на новоселье.... Такъ и
сдѣлано!...

Кажется случится что - то
важное, а можетъ быть и не
случится.

Аполлоній Ганскій.

ГЛАВА XLVII.

ИЗНАКОМАЯ ЗНАКОМКА.

Вотъ счастливый день!...
Вотъ прекрасная встрѣча!...

Демутье.

Убравъ какъ можно щеголеватѣе
свою новую комнату, Вольдемаръ по-
чти не опходилъ опъ окна: прекра-

снѣй, богатѣй видѣ Замоскворѣчья разстѣпался передъ ихъ домомъ, какъ на ладонѣ, и только въ полдень ему вздумалось сдѣлать визитъ Александрѣ Андреевнѣ.

Въ послѣдствіи мнѣ было сказано, что рѣшившись уплатить эпюпѣ долгъ вѣжливостію за ласковостію пріѣма, онъ какъ-то неволью вспоминалъ о голубыхъ глазахъ, копорые видѣлъ наканунѣ; и что эта ясная и высокая лазурь ихъ, проникнушая разными разноспями, чуть-ли не больше всего подспрекала его на знакомствю съ Вененовой.

» Почему знать, чего не знать? « думалъ тогда Поэпъ. — » Чѣмъ кто не шупитъ?... Вѣдь можетъ быть!... авось-либо!... Мало-ли что случается!... « и такъ далѣе.

Войдя въ гостиную, онъ нашель дамъ заняпыхъ работамъ... Голубо-окая блондинка взглянула на него, вспыхнула и еще прилежитѣ принялась рукодѣльничать.

— » Экой счастливецъ! « скажете вы, мои любезные чипапели — и обманетесь.... Румянецъ дѣвушекъ иногда очень еще далѣко не порука любви, по-же случилось и здѣсь.

Попросивъ сѣсть своего гостя, хозяйка познакомила его съ двумя своими дочерьми, довольно инпересными брүнепками. За пѣмъ оспавались только два неизвѣстныхъ ему лица: красавица блондинка и ея мать, какъ эпю онъ шупъ-же подслушалъ.

Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ прелюдій къ разговору еще болѣе обыкновенному, Вененова сказала Поэпу:

— » Вы такъ порошились вчера, что я не успѣла спросить вашего имени; позволите-же узнать его теперь. «

— » Меня зовутъ Владиміромъ Николаевичемъ. «

Блондинка вспыхнула снова.

— »И такъ Владиміръ Николаевичъ, скажите-ка мнѣ, не были-ли вы въ Пепербургъ... Вотъ экая задумевная моя пріятельница (она показала на даму, незнакомую Вольдемару), копорая пріѣхала сюда на короткое время, говорила мнѣ вчера, что ей случалось тамъ слышать объ одномъ молодомъ человѣкѣ вашей фамили съ самой хорошей стороны. «

— » Не знаю, сударыня, сколько ли я счастлива, чтобы это было говорено обо мнѣ: но я почто былъ

въ Пепербургъ... Я тамъ воспитывался. «

— » Въ корпусъ... не правда-ли? «

— » Точно такъ! «

— » И попомъ бывали въ домъ Анны Ивановны Буклиной? «

— » Я провелъ тамъ самое лучшее время моей жизни. «

— » И если Буклина говорила вамъ когда нибудь о Софьѣ Пепровнѣ Лажинной, такъ вотъ она передъ вами. «

Длинныя, шелковистыя рѣсницы закрыли голубыя очи прекрасной и яркій румянецъ опять заигралъ на ея щекахъ.

— » Боже мой! « воскликнулъ Вольдемаръ, обращаясь къ Лажинной; » какъ я радъ, что могу имѣть честь узнать васъ лично! «

— » Мнѣ и самой пріятно познакомиться съ человѣкомъ, котораго

пакъ любила моя искренняя спаринная подруга.... Впрочемъ, эпо будепть полько возобновленіе знакомства, по-тому что заочно я знаю васъ давно.... Вопть моя дочь! «

Молодые люди раскланялись и на эпопть разъ покрасяли оба.... Въ эту самую секунду, Вененова, думая о заочномъ знакомствѣ Софьи Пепровны и Смолянова, сказала:

— » А! спарые знакомые!... птѣмъ лучше!... птѣмъ пріятнѣе! «

На ворахъ горятъ шапки: Вольдемаръ и молоденькая Лажина приняли эпо на свой счетъ и зарумянились пуще прежняго.... Впрочемъ, подобія вспыски спыдливоспи или не были замѣчены, или по счаспію никпо не обрапиль на нихъ проницательнаго, исключительнаго вниманія, потому что разговоръ потчасъ-же перешель къ

воспоминаніямъ совершенно безъ всякихъ особенностей.

Дней черезъ десять послѣ эпого упра, Вольдемаръ былъ домашнимъ челоѣкомъ въ кругу новыхъ своихъ знакомыхъ и Варинька Лажина давно уже переспала красиѣпть вспрѣчаяся съ нимъ.... Все шло какъ не лзя лучше.... Поэпу не доставало полько одного: ему очень хопѣлось поговорить на единѣ съ подругою своей Лизы, потому что прежняя, первая любовь, разгорѣлась ояпть въ его душѣ, какъ разгорается зарево опть пожара, вспыхнуващаго снова.

Онъ полюбиль и Вариньку; но эпоа любовь была совсѣмъ другаго рода.... Она походила чрезвычайно на пихую, число плапоническую привязанность, а не на кипящую спраспть молодоспи.... Къ тому-же шупть не было

рѣшительно ничего, къ чему-бы можно придрапаться, чтобы имѣть право предъявить о какихъ-нибудь чувствахъ болѣе чувственныхъ, нежели родовенныхъ.

Надобно сказать, что Варинька, будучи удивительно какъ мила, вовсе не походила на Лизу, спало бытъ въ нее не лзя было влюбиться также, какъ въ Рансу, копорая казалася прежде разгоряченному воображенію Поэпа — стѣкомъ его миленькой названой сестрицы.... Въ наспоющемъ случаѣ Вольдемаръ былъ лишенъ всякой возможности сливать образы *двухъ* дѣвушекъ въ *одинъ* идеаль, или на оборотъ, *одну* полную, неограниченную любовь дѣлилъ на *два* равныя часты. Таинственность поэпическаго счепта уничижалася здѣсь совершенно.... Да и кромѣ того: какъ волочинь-

ся за пріятельницею той дѣвушки, въ копорую мы были влюблены?... И что-жъ-бы подумала эпа пріятельница объ нашемъ поспоянствѣ.

Однако-жъ, если я и говорю эпо, по все-таки шкпо не долженъ думать, чтобы подобныя выкладки о различныхъ неудобствахъ входили погда въ голову Вольдемара и чтобы только онъ удерживали его отъ новой спраспы.... Итъ! онъ проспо увлекся изъ наспоющаго въ давно-минувшее.... Сладость первыхъ ощущений, первые незамѣнимые воспорги и эпо опвѣтное *люблю*, копорое съ такою духовною гармоніею пролепсали ему нѣкогда розовыя уста *прекрасной*, и эти слезы, копорыми горѣли ея очи, когда сердце билось отъ сочувствія; все эпо уяснялося передъ *нимъ*, какъ уясняюпся раннія, злапо-

огнистыя звѣзды на широкой завѣсѣ вечерняго пуска: онѣ зажглись, заискрились ненаглядныя и снова его грудь задышала счастьемъ.... Поэптъ видѣлъ въ молоденькой блондиночкѣ какую-то неземную посредницу. Ей-то хопѣлъ онѣ опкрѣпѣ все сокровенное для другихъ; надобно только было оспашпѣся наединѣ, попому что объ Буклинныхъ не говорили уже болѣе ни слова, а начапѣ при всѣхъ самому онѣ не смѣлъ и подумашпѣ.... На эпощпѣ разѣ случай предспавѣлся довольно скоро.

Будучи измѣнчивы въ своихъ желаніяхъ, мы обыкновенно идемъ влѣво или вправо, въ гору или подѣ гору, смотря попому, куда увлекаешпѣ насѣ пошокѣ обстояпѣльствѣ.

МОНТАНЪ.

ГЛАВА XLVIII.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТІЕ.

Съ какимъ наслажденіемъ опдали мы другѣ другу опщешпѣ обо всемѣ, что только думали!

ФЛОРИАНЪ.

Когда мы одни въ своей комнатѣ сидимъ на диванѣ, на спулѣ или въ креслахъ, или когда мы ходимъ изъ

угла въ уголь, или когда мы спонимъ какъ поспавленныя—погда намъ очень легко располагать всѣмъ.

Кому изъ насъ не случилось соображать напередъ и что и какъ должно случиться съ нами... » Я пойду къ *такому-то*, думаешь иногда; онъ встрѣнитъ меня съ распростирытыми объятіями и скажетъ: А! здравствуй, мой милый другъ! Сколько лѣтъ! сколько зимъ!... Я извинюсь, что не былъ — и все пойдеть по старому... « Приходишь къ *такому-то* — и объятія не распростираются и онъ изволитъ говорить пресухо: » Что вамъ угодно, милостивый государь? «

Или иногда сообразишь, какъ не лзя лучше, весь будущій разговоръ; проикнешь заранѣе во всѣ тонкости; приговоришь, если нужно, и возраженія и убѣжденія; наконецъ, въ случаѣ не-

преодолимаго чувствва робости, увѣришь самага себя весьма доказательно, что это вздоръ, что спунтъ робыиъ нечего, а надобно придти смѣло и сказать напрямки *то-то* и *то-то*... Однимъ словомъ, судя по предварительному расчету, непременно должно ожидать чуть-чуть не Цесарской развязки, а на самомъ-по дѣль: *придешь, увидишь — и спасуешь!*

Узнавъ случайно, что Варинька, не поѣхавъ вмѣстѣ съ другими за городъ, оспалась дома одна по какому-по легкому нездоровью и что она сидитъ въ гостиной за книгою, Вольдемаръ положилъ въ кармагъ ея небольшое письмо, полученное имъ въ Сибири и — отправился.

— » Ахъ, Варвара Андреевна! вы одны?... Не помѣшаю-ли я вашему занятію? «

— » Напропиви!... Мнѣ такъ надо-
ѣль эпопѣй глупый переводъ прекра-
снаго романа... Повѣришь ли? Въ
иномъ мѣспѣ, право, не доберешься
смысла. «

— » Очень вѣрю!... У насъ-таки въ
модѣ безполковая пайнспвенность....
Напрасно нѣкие дѣльные журналисты
совѣпуютъ нѣкопорымъ съ опече-
скою нѣжностію поучиться мало-мало
грамотѣ—эпи нѣкопорые опмалчива-
ются и пишуть себѣ по прежнему. «

Такимъ образомъ рѣчь зашла о ли-
тературѣ, о криптикѣ, и въ слѣдствіе
шого Вольдемаръ находился въ самыхъ
крипическихъ обспоятельстввахъ.

Нѣсколько разъ покушался онъ на-
веспи какъ-нибудь вниманіе своей
собесѣдницы на дѣла сердечныя—и все
не впопадъ!... Къ счастью его, не
смотря на приспраспіе Вариньки къ

подобнымъ разговорамъ, онъ прекра-
пился самъ собою, опъ недоспапка
взаимнаго участія... Черезъ четверть
часа выдалась такая пережка, чпо
въ госпиной можно было слышать
пометъ мухъ.

Поэпъ опиралъ попъ, копорый
капился градомъ опъ черезчурнаго и
напраснаго напряженія умспвенныхъ
способностей—и молчалъ. Блондинка
машинально перебрала листы лежа-
вшей передъ нею книги — и молчала
по-же.

Всякій знаетъ, какъ пляжело подо-
бное положеніе, какъ неприпно чув-
спвовать въ себѣ борьбу между пре-
бованиями разсудка и робостію духа.
Одинъ наспаиваетъ, другой такъ и
замираетъ въ груди... Одинъ все об-
думаетъ, все пригоповилъ и гово-
рипъ: » начинай! «... Другой, собспвен-

ною своею немощью, и почти всегда безоппечною, парализуешь энергию души: и мысли, и выраженія — все ускользаешь изъ нее куда-по; мы не подаемъ впередъ ни на волосъ.... мы спрадаемъ.

Впрочемъ эпѣ незавидныя минупы сомнѣнія, нерѣшительности, бездѣйствія, влекутъ иногда за собою чрезвычайпо счастливыя послѣдствія, если только онѣ продолжались въ мѣру и не довели насъ до совершеннаго изнуренія.... Часто одно слово, одно самое незначущее по видимому движенье, даетъ всему превосходнѣйшій оборотъ.... Душа, внезапно окриленная, гордо сбрасываетъ съ себя все узы препятствій и прошедши уже чрезъ поучительную школу перпѣвнн или спраданія, она начинаешь дѣйствовать смѣло, самоспопательно и съ ка-

кимъ-по непреодолимьмъ спремленіемъ къ предположенной цѣли.... Вся силы ея развиваются до высочайшей степени; все дѣйствія ея рѣзки и рѣшительны.... Здѣсь разгулъ откровенности! Здѣсь иногда источникъ великаго, высокаго или славнаго!

Такъ писатель, выперпѣвший муку отъ усыпленія своей творческой способности, чувствуетъ жгущее, воспламеняющее прикосновение дивнаго элекпричества и — вдругъ опважное перо его въ сжатыхъ и условныхъ формахъ масперски и вѣрно изображаетъ самые необьяпные, самые безусловные предметы.... Такъ человекъ бѣдспвующій перпѣливо извѣшиваетъ собственныя силы и силы своего припѣснителя, и потомъ вдругъ, неожиданно, заспавляетъ пре-

пепапъ того, передъ кѣмъ самъ пре-
пепаль недавно.

Такъ переходя опъ неважнаго къ
важному (если полько на свѣпѣ еспъ
что-нибудь особенно важное, кромѣ
Свяпой любви и добродѣтели), мы
увидимъ, что временная немощь, вре-
менное бездѣйствіе развиваетъ энергію
цѣлыхъ сословій, цѣлыхъ обществъ,
цѣлыхъ народовъ.... Жаль полько,
что въ сихъ послѣднихъ случаяхъ за-
блужденія самыя грубыя, самыя вред-
ныя почти неизбѣжны; жаль, что мы
часто гоняемся за нелѣпыми призра-
ками; жаль, что наша необдуманность
увлекаетъ насъ иногда по самымъ
дурнымъ направленіямъ; жаль, что
весьма часто мы принимаемъ зло за
благо — а по-бы... Но спустимся на
нѣсколько окпавъ.

Я вамъ сказала, что прелестная

блондинка молчала, однако-жъ ей не
опъ чего было расперяпъся до па-
кой степени, какъ расперялся Воль-
демаръ.... Мысль, обративъ воцарив-
шееся между ними молчаніе въ смѣхъ,
блеснула въ ея головѣ, и она, совсѣмъ
неожиданно для Поэпа, сказала вдругъ
довольно громко, съ самою проспо-
сердечною улыбкою.

— » Гдѣ вы, Владиміръ Николае-
вичъ? «

Кто - бы подумалъ, что эпотъ
обыкновенный, ничего незначащій во-
просъ, эпта шупливая выходка, могла
произвести что-нибудь серьезное?...
И не смотря на то, вы сейчасъ уви-
дите новое подтвержденіе того, какъ
опъ малыхъ причинъ рождаются ве-
ликія дѣйствія.... Слово не значитъ
ничего: дорога минута, милоспивья
государни.

— » Гдѣ я? « повпоришь Вольдемаръ голосомъ швердымъ и значипельнымъ, въ копоромъ проявлялася вепьшка души. » Гдѣ я? спрашиваете вы меня.... Я передь вами.... я хотѣлъ ска- зашь вамъ о многомъ — и молчалъ: у меня не доспавало духа. Но вашъ не- ожданнѣй вопросъ развязалъ мнѣ языкъ.... Чувствую, что пеперь я въ силахъ поблагодарить васъ за это письмо, копорое такъ много обрадо- вало меня въ Сибири. «

— » Ахъ, Боже мой! гдѣ оно?... Оп- дайше его, сдѣлайше милоспть! «

— » Не уже - ли, довѣрившись мнѣ, когда вы еще не знали меня, вы оп- кажете мнѣ въ довѣренности въ на- споящее время? «

— » Я и не думаю сомнѣваться въ васъ, но мнѣ, право, такъ совѣспно

Мнѣ все кажется, что это можетъ данъ вамъ нѣкопорое право.... «

— » Не договаривайше!... Божусъ вамъ, что я думаю объ этомъ совер- шенно иначе.... Принося жертву пред- разсудкамъ въ другихъ случаяхъ, я выше ихъ по крайней мѣрѣ въ на- споящемъ.... Я разспаприваю вашъ поступокъ съ самой лучшей споронь и совершенно не вижу ничего, что мог- ло-бы заспавить васъ совѣспнпсья. «

— » Но если-бы вы знали, какъ я сожалѣла послѣ. «

— » Даже и эта данъ мнѣнпямъ дѣ- лаешъ вамъ очень много чеспти. Спа- чала, по добронѣ сердца, по спсхож- денію къ просьбамъ бѣдной своей по- други, вы невольню увлеклись пропивъ нихъ, вы написали ко мнѣ.... Попомъ, еспеспвенно вамъ пришла мысль, что я могу уноспребитъ во зло вашу до-

вѣрность и тогда боязнь невыгодныхъ осужденій за дѣло доброе заставила васъ раскаяваться; но не смотря на то, вы оспались вѣрными дружбѣ и, если я не ошибаюсь, то теперь одолажаете снисходительнымъ вниманіемъ чловѣка, котораго любите вашею подругою. «

— » Въ эпозѣ вы можете не сомнѣваться: я очень хорошо знаю и умъ, и сердце моей Лизы, что-бы не опдала справедливости ея выбору и не приняла въ васъ участія. «

— » Не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за это?... Однако-жъ, обращаясь опять къ письму, я убѣдительнѣе прошу васъ быть на эпозѣ съ спокойною: пусть моя любовь будетъ порукою моей чести... Но скажите мнѣ: гдѣ она?... Что съ нею?... Не позабыли-ли я?... Вы мол-

чите... Не уже-ли я долженъ услышать что-нибудь ужасное?... Говорите-же!... говорите! Мнѣ кажется, что теперь я вынесу всякій ударъ гораздо легче, нежели когда-нибудь. «

— » За чѣмъ вы не отвѣчали на письмо Лизы? «

— » Понимаю, что значить эпозъ вопросъ!... Она вышла за мужъ? «

— » Нѣтъ, она не выходила; но за чѣмъ вы не отвѣчали ей? «

Вольдемаръ схватился за голову и не сказалъ ни слова... Лажина продолжала.

— » Ваше молчаніе было для нее почти невыносимо... На бѣду, дѣла ея мажери шли день ото дня хуже и хуже... Вы знаете, что она хотѣла продать свою степную деревню и купить другую поближе къ Москвѣ... Но продажа и покупка были для нее

слишкомъ невыгодны, такъ что она поперяла очень многое изъ остальнаго своего имѣнія... Эпъ неудачи, печаль дочери и мысль о будущности, опносительно соспоянія Лизы, все это вмѣстѣ, убивало почпенную Анну Ивановну... Наконецъ начало нынѣшней весны довершило несчастье... Ужасный пожаръ испребилъ почти все: большая половина креспянь пошла по міру и добрая моя подруга едва-ли не рѣшилася пожертвовать всѣмъ, что-бы успокоить свою мапъ... «

— » Договаривайше!... Ради Бога договаривайше! »

— » Вы должны знать того пожилаго Полковника, которъй такъ часно бывалъ у Буклиныхъ въ Пепербургъ... «

— » Знаю очень хорошо! «

— » Не смотри на свое богатство, не смотри на то, что Анна Иванов-

на уважаетъ его за умъ и за оплично-хорошія правила, онъ получилъ опказъ, когда наши общія знакомыя жили еще въ своей родовой деревнѣ... Но если онъ возобновитъ пеперь свои исканія, что очень можно ожидать судя по его наспойчивости и по его постоянству, то едва-ли ваша Лиза не рѣшилася выдти за него, не имѣя объ васъ никакихъ слуховъ. «

— » Ахъ, Боже мой! какое ужасное положеніе!... Въ первый разъ въ жизни жалю я о своей бѣдности... Но скажите мнѣ опкровенно: это разспройство соспоянія Буклиныхъ не сближаетъ-ли насъ еще больше?... Не будетъ-ли пеперь мое сватовство поступкомъ самымъ безкорыстнымъ.

— » Признаюсь, я думаю точно такъ же и даже почти увѣрена въ успѣхѣ, потому что мнѣ извѣстны всѣ жела-

ня мапери моей подруги.... Она хочет видѣть дочь свою не богатою, а счастливою.... Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что вашъ прїездъ обрадуешь ихъ обѣихъ.... Попробуйте.... поѣзжайте.... посмотрите собственными глазами и тогда начинайте дѣйствовать!»

Вольдемаръ былъ въ восторгѣ: онъ осыпалъ поцѣлуями руки прелестной блондинки; онъ общался никогда не забывавъ эпѣхъ блаженныхъ минутъ, въ копорья она такъ чудесно воскресила въ немъ самыя сладостнѣйшія надежды; попомъ, узнавши что Буклины живутъ только въ 40 верстахъ отъ Москвы, онъ хотѣлъ отправиться къ нимъ въ ту-же секунду и Варинька едва-едва уговорила его отложить свою поѣзду до завтра, предсавя, что по дурной просѣлоч-

ной дорогѣ ему не возможно быть у нихъ раньше вечера.

Тогда поэтъ, полный дѣтской радости, пошелъ въ свою комнату, чтобы сообщить все своему искреннѣйшему другу и посоветоваться съ нимъ, какъ-бы лучше уладить дѣло.... «

Ахъ! какъ узки предѣлы нашего разума.

Цицеронъ.

ГЛАВА ХЛІХ.

КТО ХУЖЕ ТАТАРИНА.

Надобно бытъ величайшимъ
глупцомъ, чпобы хвалить до-
бродѣтель и не исполнять ее.

Дюргенъ Цяникъ.

Подбѣжавъ къ постелѣ Бѣльскаго,
копорый спалъ въ это время самымъ
крѣпкимъ сномъ, въ слѣдствіе обыкно-

венія своего опидыхапъ часа при по-
слѣ каждого сѣпнаго обѣда, Вольде-
маръ закричалъ надъ его оппшопыгрив-
шимся ухомъ.

— » Василій Петровичъ!... Василій
Петровичъ!... Радуйся!... веселись вмѣ-
спѣ со мною!... Она здѣсь!... съ ни-
ми! «

Бѣльскій вскочилъ какъ полоумный
и, не успѣвъ прокашляпъся, спалъ бор-
мопалъ смѣлымъ голосомъ:

— » Чпо?... чпо пакое?... не воры-
ли? не пожаръ-ли? «

— » Какіе пупъ воры!... Говорю
тебѣ полкомъ, чпо я нашель еѣ...
чпо она здѣсь....

— » Да кпо она?... Чпо за черпов-
щина!... «

— » Разумѣется моя милая Лиза! «

— » Ахъ Создатель пы мой!... А
Одна и двѣ. Ч. IV.

я полько въ одномъ халашѣ... Эй! Амёшка!... давай одѣваешься!»

— » Эпо къ чему?... Развѣ она увидитъ свое дезабилье будучи опъ насъ за сорокъ верспъ? «

— » Ну братъ, Володя, ужъ извини меня, а надобно сказать правду, что ты не умѣешь разполковать пулемъ самой бездѣлицы!... Какъ эпо пришло тебѣ въ голову кричать во все горло: она здѣсь!... Съ просонья я и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что своя Бу-клина спойтъ за дверью. «

— » Эхъ, Вася!... Если-бъ ты зналъ, какъ я счастливъ, такъ ты-бы не сердился на меня. «

— » Помилуй, другъ мой, кто-жъ сердился?... Я и самъ безъ души радъ твоей радости.... Да какъ эпо тебѣ удалось пронюхать объ ней?... Экой вѣдь какой дошлой! «

— » То-по-же!... знай нашихъ!... Впрочемъ, на эпотъ разъ я обязанъ полько одному случаю.... «

— » Случай случаемъ, любезный Владиміръ, а умѣнье все — паки необходимо.... Объясни-же, какъ ты нашелъ поперянное сокровище? «

— » Воишь эпого-по и не лзя покуда; но я твердо надѣюсь, что завтра будетъ *все кончено* и тогда безъ всякаго сомнѣнія ты первый узнаешь обо всемъ. «

— » Ну, ладно!... я и не настаиваю!... И такъ полько сорокъ верспъ раздѣляютъ васъ.... Чпо-жъ ты намѣренъ дѣлать? «

— » Во первыхъ, я на дняхъ-же буду писать къ бапюшкѣ, что-бы онъ далъ мнѣ свое благословеніе на женитьбу, и во впорыхъ, пошлю къ не-

му просьбу, какъ къ Начальнику, объ увольненіи меня изъ Сибирской службы, что-бы я могъ опредѣлиться гдѣ-нибудь здѣсь.... «

— » И будпо ты не шупишь? «

— » Ни сколько! «

— » Но онъ не согласился ни на то, ни на другое. «

— » Запрощивъ, онъ вѣрно согласился, пошому что онъ меня любитъ. «

— » Не уже-ли это рѣшительное швое намѣреніе? «

— » Какъ не лзя болѣе!... Во всякомъ случаѣ я не сдѣлаю изъ Москвы ни шагу, и между тѣмъ упопроблю всѣ средства, чтобы получить его позволеніе. «

— » Да разсуди хорошенько: вѣдь это убьетъ почтеннѣйшаго Николая Ивановича. «

— » Не чему шупъ убивать, если я женюсь на прекрасной дѣвушкѣ, копорая меня любить и буду съ нею счастливъ.... Запра-же упроемъ я поѣду за Дорогомиловскую заставу, въ село Дубровинское, гдѣ живетъ моя Лиза.... Запра-же упаду я къ ногамъ ея матери и не встану до тѣхъ поръ, пока не получу согласія. «

— » Ну, ужъ вѣрно чему бытъ, пому не миновать!... Поѣзжай-же себѣ съ Богомъ и дѣлай что хочешь. «

— » Спало бытъ ты наконецъ одобришь мою рѣшительность? «

— » Да что съ тобою дѣлаешь?... Вѣдь тебѣ ни чѣмъ не урезонишь. Впрочемъ, если скажешь правду, такъ и въ самомъ-то дѣлѣ шупъ нѣтъ ничего худаго.... Букина дѣвушка премилая; ты ее любишь, она тебѣ

поже; къ пому-жъ и богапспиво дѣло не послѣднее. «

— » Какое богапспиво? ... Анна Ивановна почпи раззорилась. «

— » Чпо пы говоришь? «

— » И пѣмъ-по еще болѣе я буду наспаивать. «

— » Эпо великодушно!... Эпо благородно!... Клянусь тебѣ и своею честью, и своею покойницею, и всемъ сваяпымъ, чпо пы рѣдкій человекъ!... Позволь-же обнять себя: пы не повѣришь, какъ я горжусь имѣя тебя своимъ другомъ. «

— » Полно, брапецъ, чпо за похвалы? ... Я увѣренъ, чпо и пы сдѣлалъ бы поже на моемъ мѣстѣ. «

— » Ужъ разумеется!... чпо и говоришь!... Однако-жъ, не будь я пвомимъ другомъ, по, признапьясь сказапъ, д-бы позавидовалъ завпра пвому сча-

спію: пы увидишь Лизу, получишь согласіе ея мапери, и все эпо въ одинъ день, и все эпо такъ неожиданно! «

— » Да, мой добрый Вася!... эпого слишкомъ много... Я почпи не довѣрю возможности такого близкаго благополучія... Знаешь-ли, чпо мое сердце начинаеть уже посковать оиъ чего-по. «

— » Чпо за пустяки!... Не спыдно-ли суевѣритчапъ!... Да и развѣ тебѣ не случилось груспипъ передъ радостію? «

— » Нѣсколько разъ! «

— » Ну вопъ видишь-ли!... Такъ чего-жъ бояпья спеперь? ... Положись на Господа Бога и не хлопочи ни о чемъ до поры, до времени. «

За чаемъ оба друга были оплично веселы; при наспуцленіи вечера они распались, поѣхавши въ разные дома;

попомъ наступила ночь; попомъ прошла ночь и наконецъ зажглось по неперпѣливо-ожидаемое упрю, копорое въ жизни нашего героя должно-ствовало бытъ самымъ рѣшителънымъ.... Судьба, или, лучше сказать, заботы дружбы сдѣлали его самымъ мучительнымъ.

Ровнохонько въ десять часовъ, по есть, когда Вольдемаръ только что хотѣлъ вѣлѣть подавать лошадей, что-бы отправиться въ Дубровинское, дверь его комнаты распорилась — и почтеннѣйшій Степанъ Козмиръ Спруйскій явился къ нему самъ своею особою.

Если не вѣсьмъ, такъ вѣрно почти вѣсьмъ моимъ читателямъ случилось узнавать изъ печальнаго опыта весь ужасъ пытки подобныхъ невпорныхъ

посѣщеній.... Я ужъ и не говорю ни полслова о пакихъ геспяхъ, съ копорыми скучно во всякое время и во всякомъ мѣспѣ; но иногда бываетъ и такъ, что не смотря на всю любовь, на все уваженіе къ человѣку, навѣспившему насъ, мы по неволѣ считаемъ приходъ его истиннымъ Божескимъ наказаніемъ.

Точно то-же случилось въ эпопѣ разъ и съ Вольдемаромъ.... Спруйскій былъ давнишній другъ его отца; старый служака, почешный по званію и опличіямъ, уважаемый по сѣдинамъ и уму, любимый по добродѣтели. Онъ во всю бытность въ Москвѣ молодого Смолянова посѣпилъ его погда только во впорый разъ, и именно въ эпопѣ-по впорый разъ ему-бы и не нужно прогаться изъ своего дома; —

но онъ пронумся, онъ вошелъ и усѣлся безъ церемоніи: дѣлать нечего!

— » Ну вотъ и я собрался къ вамъ, любезный Владиміръ Николаевичъ, поздравивъ васъ съ новосельемъ, и нарочно по раньше, а по вѣдь вашей брашья и не заспанешь.... Я-же вспаю въ пяць часовъ, шакъ у меня день начался ужъ давно.... Однако - жъ не помѣшалъ-ли я? «

— » Помилуйте!... Если-бъ вы знали, какъ для меня пріятно ваше посѣщеніе.... «

— » Ну, очень радъ!... Спало бытъ вы позволите опдохнуть у васъ съ полчаса? «

— » Только съ полчаса! « воскликнулъ Вольдемаръ въ порывѣ радостной надежды; но къ несчастію, слушающая одни слова, почтеннѣйшій Спепанъ

панъ Козмиць не вслушался на эптопъ разъ въ понъ ихъ выраженія.

— » Вамъ кажется эпаго мало?... Пожалуй, мой милый, пожалуй!... я пробуду у васъ часа, два, при.... А коли дѣло пойдеть на успойчивость, шакъ я пробуду и цѣмый день.... Чпо шакое, въ самомъ дѣлѣ: время вѣдь наше! «

У Смолянова опнялся языкъ; онъ взглянулъ на небо; безусловно предалъ себя своему року и опустился въ кресла подмъ Господина Спруйскаго.... Начались урочные толки о помъ и о сѣмъ.... Разговоръ полъ какъ черепаха и вѣрно-бы Спепанъ Козмиць не усидѣлъ слишкомъ долго, но вдругъ какъ-по нелѣгая сила дернула Вольдемара спросить:

— » А чпо, какъ поживаетъ вашъ брапецъ морякъ? «

Взволнованный своимъ непрепѣн-
емъ, Поэпъ позабылъ совершенно, что
эпа спашья была самою живою спру-
ною его госпя.... Спруйскій весело
щёлкнулъ по пабакеркѣ, закинулъ но-
гу на ногу, значительнo подался впе-
редь среднею часпю своего пѣла и
сказаль:

— » Какъ поживаетъ мой брапъ
морякъ, спрашиваете вы меня?... О!...
надобно признапья, что онъ живепъ
вовсе не по моему.... Эпо, сударь, па-
кой человекъ, которпй сподипъ, что-
бы о немъ поговорипъ и поговорипъ
какъ слѣдуепъ. « (Напойка пабаку
улепѣла въ носъ)... » Вопъ изволи-
ше видѣпъ!... Кг!... Кг!... Когда Мек-
сика и Калифорнп, или лучше ска-
заль весь новпй Албюпъ оппорг-
ся опъ владычеспва Испанцовъ....
Кг!... Кг!... «

Эпимъ періодомъ опкрылась по-
пѣха.... На бѣду Вольдемара, спарпй
добрякъ принадлежалъ къ числу са-
мыхъ говорливыхъ людей и удиви-
пельно не любилъ никакихъ коро-
пенькихъ анекдотцовъ. Испорп —
вопъ что было его пицею, и если
онъ, бывало, приепся рассказывать,
пакъ расскажетъ все опъ начала и
до конца, безъ исключенпй и пропу-
сковъ.... Поэпъ надѣялся на Милосер-
дпе Небесное: перпѣлъ, слушалъ — и
молчалъ.

Пробило одиннадцатъ!

Вольдемаръ спаль просипъ своего
хранипеля - угодника, чтообы попъ
вдохнулъ говоруну мысль замолкнупъ
и уѣхаль домой.... Говорунъ продол-
жалъ говорипъ; Вольдемаръ продол-
жалъ перпѣпъ, слушалъ и мол-
чалъ.

Пробило двѣнадцать!

Поэтъ находился въ самомъ послѣднемъ, едва выносимомъ изнеможеніи, а громкія рѣчи госпія сыпались все пуще и пуще, словно горохъ изъ мѣшка.... Бѣдный Смоляновъ покушался было взывать о пощаду, робѣлъ, молчалъ и слушалъ.

Пробило часъ!

Вененова, узнавъ, что Спруйскаго былъ у Вольдемара, прислала просить къ себѣ всѣхъ, что-бы обѣдать вмѣстѣ. Тутъ только спарикъ опклеился огъ спула и, пожавши руку спрадальца, сказалъ ему:

— »Такъ вопъ, сударь, какъ подѣлывались дѣла!... Пойдемте-ка вмѣстѣ.... Я расскажу вамъ у Александры Андревны еще одну очень любопытную исторію....« Но Поэтъ

опиѣкался со всею возможною учтивостію, накинулъ на себя плащъ, взялъ шляпу и бросился изъ дверей безъ оглядки.

Я чувствую въ себѣ какое-то помѣшательство.... это горячка.... это лихорадка.... не правда-ли, Ланса?... Пора.... пора мнѣ кончить!

ВИЛАНДЪ.

ГЛАВА Ъ.

РОКОВОЕ СВИДАНІЕ.

Несчастный, которому ужасъ ускоряетъ шаги, скользнетъ и падаетъ.... Его берутъ.... его режутъ на части....

ЮВЕНАЛЬ.

— » Пошѣлъ скорѣе!... слышишь-ли? понимаешь - ли? « кричалъ освободившійся пруженикъ, выѣхавъ за городъ, своему ямщику.

Лихая пройка, запряженная въ маленькій фаэтончикъ, неслася чрезвычайно быспро.... Воптъ Вольдемаръ проѣхалъ половину; воптъ проѣхалъ при чепверши; воптъ оспается пяпъ верспъ.... при.... двѣ.... одна.... Воптъ выдвинулась изъ-за-лѣса Дубровинская церковь.... Воптъ и господскій домъ въ саду, расположенномъ на покапопси холма.... Воптъ и деревня....

— » Сплой у эпаго домика на право.... Мнѣ надобно умыпъся и спряхнупъ пыль. «

Вольдемаръ взошелъ въ новую крепьянскую избу, попросилъ себѣ воды и спалъ занимаясь своимъ пуалепомъ.

Кпо бывалъ въ подобныхъ обспояпельспвахъ, понпъ повѣрипъ мнѣ, чпо уборка его шла не очень успѣшно. Въ пакихъ случаяхъ обыкновенно

все какъ-то не прилаживается: *это* опть чего-то смялось, *то* опть чего-то лопнуло; такимъ образомъ эптъ пяпья да десяпья неудачи удивительно какъ досаждаютъ нашему неперпѣнню, и чѣмъ больше горячишься—пѣмъ хуже. Наконецъ, когда Поэптъ былъ уже почти совершенно готовъ, дверь избы разворилась и молодой Буклинъ бросился въ его объятія...

Такая неожиданная сцена вѣрно-бы пронула каждаго.... Эпо была радость глубокая, безмолвная, попрысающая всю душу; радость, копорая увлаживаетъ наши глаза сладкими слезами счастья.... Въ эпо время звуки, какъ будто познавая безсиліе свое для выраженія умилительныхъ чувствъ, прелепно замираютъ въ груди; даже самая мысль, выпѣсенная

воспоргомъ, исчезаетъ изъ области ума.... Тогда для насъ не сущеспвуетъ ничего окружающаго: очаровательное ощущение сердечной нѣги чудесно сосредоточивается во взаимныхъ лобзаніяхъ, въ крѣпкихъ безприпворныхъ объятіяхъ.... Мы чувспвуемъ, мы знаемъ только одно,—только въ эпомъ одномъ мы увѣрены, что близъ насъ находится другое я,—все прочее невольно оставлено, невольно позабыто....

Таковы бываютъ иногда встрѣчи пѣхъ добрыхъ, пылкихъ, чувспвительныхъ людей, копорые поняли и оцѣнили другъ друга и души копорыхъ сроднились между собою навсегда безъ всякихъ пуспыхъ объповъ.

Наконецъ первый пылъ прошелъ: чувства низошли до словъ.

— » Ты-ли эпо?... Тебя-ли я вижу, любезный Василій? « воскликнулъ Вольдемаръ.

— » Да, милый Смоляновъ, върь своимъ глазамъ: эпо я — пвой прежній, всегдашній другъ! «

— » Но какими судьбами ты здѣсь?... Опъ чего не въ Пепербургъ? «

— » Тушь еспъ особенный случай, самый непріятный, самый горесный для меня... Я прѣхалъ сюда препьяго дня, ѣду послѣ-завпра. «

— » Къ чему - жъ такая поспѣшность? «

— » Владиміръ!... ты удивишьса моему отвѣпу, но онъ, къ несчастію, справедливъ: я пробылъ-бы здѣсь все льпо, если - бы не вспрыпился съ тобою. «

— » Не уже - ли я какой-нибудь злобный геній, которому суждено оп-

равлять благополучіе своихъ ближнихъ? «

— » Не сердисъ на меня, мой другъ!... Я говорю опкровенно по, что мнѣ нашепываептъ мое сердце.... Эпа ужасная смѣсь радости свиданія съ печальнымъ воспоминаніемъ о неизбѣжной разлукѣ; эпо разрушенное зданіе надеждъ, которое давитъ мою грудь своими тяжелыми обломками; эптъ слезы, которыя ты видишь пеперь, должны оправдать меня передъ тобою. «

— » Но я не могу ни поспигнуть, ни сообразить пвоихъ словъ... Чпо-жъ заспавляептъ тебѣ уѣзжапъ опсюда, когда ты можешь располагать собой? «

— » Дружба и участіе во всемъ, чпо только къ тебѣ опносятся. «

— »Василій!... Ты пугаешь меня своею таинственностію.... Говори прямо.... Добивай однимъ ударомъ.... Иначе я не вынесу эпихъ медленныхъ мученій... Начни съ того, какъ и за чѣмъ ты здѣсь?»

— »Пріѣхавъ прошедшею осенью въ опускъ въ нашу деревню, я увидѣлъ, что бѣдная моя сестра не походила сама на себя опть какой-то пайной, поспоянной поски, копорая ее преслѣдовала всюду.... Тебѣ извѣстно, какъ она меня любила и припомъ-же эпакропкая, добрая дѣвушка, пакъ увѣрена въ нашей дружбѣ.... Она на другой-же день моего пріѣзда открылась мнѣ, что писала къ тебѣ въ Сибирь и не получила отвѣта.... Зная, что ты далъ ей кляпву; зная, что ты не способенъ къ измѣнѣ.... « (Всѣ члены Вольдемара омерзѣли въ эпо

мгновеніе подъ холоднымъ попомъ, копорый выспулилъ внезапно по всему плѣму изъ его поровъ, расширенныхъ судорожнымъ движеніемъ). » Однимъ словомъ, пвердо надѣясь на тебѣ, я успокоивалъ ее всемъ, что только могъ придумать, и наконецъ успѣлъ, хотя очень слабо, пробудить въ ней жалкіи, грустный оппѣнокъ ея врожденной веселости.... Последствія доказали мнѣ, какъ ты самъ это увидишь, что добрая наша мапушка молча замѣчала за нами и что опть ея вниманія не ускользнули мои родепвенныя заботы.... Черезъ мѣсяць я возвратился въ Петербургъ и нынче, назадъ пому недѣли съ полторы, получаю пакъ письмо, въ копоромъ маминька проситъ меня пріѣхать къ нимъ какъ можно скорѣе, говоря, что присутствіе мое необхо-

димо.... Тайна, еще болѣе ускорила мои дорожные сборы.... Я помышляю.... Приѣзжаю сюда прерпяго дня и въ шопъ-же день вечеромъ, будучи на единѣ съ мапушкою, узнаю оцъ нее, что извѣстный шебъ Полковникъ возобновляетъ свое свавовство и что она, зная какъ я любимъ сеспрою, вызвала меня для того, чтобы я всѣми силами спарася поддержать ее въ случаѣ нужды.... Тупъ-же я услышалъ оцъ нашей спарушки, что женихъ Лизы человекъ прекрасный и что она твердо надѣется на ихъ будущее счастье.... Не смоцра на то, что попечительныя намѣренія мапушки нисровергали лучшую мою мечту: имѣлъ шебя своимъ зяпемъ, я покорила необходимости и со вчерашняго утра спалъ принужданъ себя казаться веселымъ.... Передъ обѣдомъ

объявлено было Лизѣ о новомъ письмѣ Полковника и она.... «

— » Она дала слово?... Не правдали? «

— » Да!... Но что - жъ ей оспавалось дѣлать?... Не могли узнатьъ ничего о шебъ, она видѣла передъ собою только однѣ лишенія, которыя убивали мапушку, привыкшую къ довольству.... Привязанность дочери взяла верхъ надъ безнадежною, безцѣльною привязанностию къ шебъ.... «

— » И пакъ для меня *все кончено!* «

— » Но за чѣмъ ты не пріѣхалъ вчера?... Кажется что тогда еще можно было-бы передѣлать это; шеперь посланъ уже отвѣтъ.... «

— » Какъ!... Отвѣтъ къ Полковнику? «

— » Да, мой другъ!... По всему видно, что какая-то особенная причина побудила маминьку къ такой удивительной поспѣшности... Въ этомъ я увѣренъ по одному очень странному и очень неприятному случаю... Вчера, часу въ двѣнадцатомъ ночи, когда я легъ уже въ постель, мапушка взошла въ мою комнату и взявши напередъ съ меня честное слово молчанія относительно сестры, сказала мнѣ: »Василій! меня уведомили, что завтра долженъ прѣхать сюда молодой Смоляновъ.... «

— » Боже мой!... Опять кого-жъ она могла узнать это?... И кто измѣнилъ моей тайны? «

— » Я по-же былъ изумленъ этою нечаянностію... Я выспрашивалъ также какъ и ты — и не развѣдалъ ни-

чего.... Тогда она спала продолжаятъ: » Тебѣ извѣстно, въ какомъ ужасномъ положеніи находились наше имѣніе... Надобно подумать о будущемъ.... Благодаря своимъ заботамъ, глубокая горестъ Лизы перемѣнилась въ тихую задумчивостъ; она бываетъ даже весела... Я воспользовалась этимъ для ея собственнаго счастья и успѣла получить опять нее согласіе на замужество съ Полковникомъ.... Ты долженъ быть увѣренъ, что я готова-бы пожертвовать всѣмъ для вашего благополучія и что я напередъ хорошо узнала о женихѣ, что-бы рѣшиться вѣрить ему участь своей дочери. Онъ будетъ прекраснымъ мужемъ.... Теперь, когда главное уже сдѣлано, благоразуміе пребуетъ принять сама дѣятельная мѣра, что-бы Лизашка не могла быть уведомена зав-

пра о посѣщеніи Смолянова... Я сдѣлала большую половину; тебѣ надобно взять на себя оспальное... » Но, мапушка, воскликнулъ я, развѣ вы не знаете, какъ сеспра моя любитъ моего друга и какъ онъ со своей стороны заслуживаетъ эшаго?... Къ чему-же мѣшашъ ихъ соединенію? «

— » И что-жъ она отвѣчала тебѣ? «

— » Твой другъ переѣхался, « сказала она: » онъ сдѣлалъ самый неблаго-родный поступокъ и я не могу принять его въ свое семейство. «

— » Какъ!... Я сдѣлалъ неблаго-родный поступокъ?... Праведное Небо!... Не уже-ли клевета будетъ преслѣдовать меня до самой смерти?... Кому и что я такое сдѣлалъ?... Кто эшоптъ злодѣй, которъй такъ ужасно пира-

нитъ меня?... И Анна Ивановна могла повѣрить?... Богъ съ нею!... И ты по-же? «

— » Напроривъ, мой милый другъ! Не будь такъ скоръ и несправедливъ!... Я защищалъ тебѣ сколько могъ до тѣхъ поръ, пока мапушка не сказала мнѣ, что она получила эшодурное о тебѣ увѣдомленіе отъ чело-вѣка, которъй извѣстенъ ей за самаго рѣдкаго по своимъ добродѣтелямъ... Тупъ я долженъ былъ замолчать по неволѣ. «

— » Эшо непоспизимо для меня!... Но договаривай! «

— » Наконецъ маминька прибавила: Не уже-ли ты можешь думать, что я желаю зла своимъ дѣтямъ?... Припомни мои слова... Посмотри: Лиза будетъ счастлива.... Однако-же, что-бы

не нарушить ея нынѣшняго спокойствія, ей ни подѣ какимъ видомъ не должно знать о прїѣздѣ Смолянова... После его поступка, къ чему послушать эпѣ сцены?... И потому завпрашю тебя необходимо быть на спорожѣ... Чуть только онъ покажется въ нашей деревнѣ, пойдѣ къ нему и скажи опѣ меня... «

— » Не бойся!... высказывай все!... Можешь-ли быть что-нибудь ужаснѣе того, что я слышалъ? Говори же... не бойся! «

— » Она приказала сказать тебѣ, что-бы ты... Боже мой!... Какой убійственный долгъ!... Что-бы ты не входилъ никогда въ нашъ домъ и не нарушалъ въ немъ семейственнаго спокойствія. «

— » Нѣтъ! эпѣ гораздо болѣе, нежели я могъ ожидать!... И она сказа-

ла эпѣ?... И опѣ тебя я долженъ эпѣ выслушать? «

— » Милый Вольдемаръ!... Не отпалкивай меня опѣ своей груди! Богъ свидѣтель, что я вѣрю твоей честности, твоему благородству! Онъ видѣть мои перенесенныя мученія; сердце мое обливается кровью; но воля маперѣ для меня законъ... Успокой же меня! Скажи мнѣ, что ты на меня не сердись; что въ твоихъ воспоминаніяхъ я останусь прежнимъ твоимъ другомъ! «

Блѣдный какъ полопно, неподвижный какъ испуганъ, споялъ Смоляновъ и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ... Какое-то спрашное спокойствіе разлилось по его лицу; блѣдный тускъ подернулъ его глаза; одни только обезцвѣнившія уста

препепали невольню опть прерыви-
спаго дьханія.

— »Владимірь!... другъ мой!... вы-
говори хопя одно слово!... Увѣрь меня,
чпо ты живъ!» восклицалъ Буклинъ
сжимая его въ своихъ объятіяхъ...
Наконецъ бѣдный спрадаецъ какъ
будто опомнился немного и сказалъ
довольно пвердымъ голосомъ:

— »Пусть Всевышній проспиптъ
моимъ врагамъ: для меня пеперь *все
кончено!* «

— »Но ты не хочешь сказать
ничего для ушщщенія дружбы?»

— »Будь спокоенъ, любезный Васи-
лій!... Вижу пвою неприпворную привя-
занность и, не смонря на свое положе-
ніе, я дорого цѣню ее... Повпоряю тебѣ
еще разъ: будь спокоенъ!... Еслн для ме-
ня кончено все, то и самыя спраданія

не будутъ уже обременять пвоего
друга... Не плачь! бери съ меня при-
мѣрь!... Слезы не опврапиптъ несча-
спія, которое уже сбьлося... Ви-
дишь-ли, съ какою пвердоспціо пере-
ношу я эпоптъ громовый ударъ, ко-
порый разразился надо мною?» «

— »Признаюсь тебѣ, милый Воль-
демаръ, чпо эпа пвердосптъ, эпо мо-
гильное пвое равнодушіе, пугаюптъ
меня гораздо болѣе, нежели могло-бы
испугать шумное опчаяніе... Скажи
мнѣ, не уже-ли ты рѣшишься на... «

— »Тсс!... Не выговаривай эпаго
ужаснаго слова, которое я предугады-
ваю... Не подпалкивай меня въ без-
дну своею собспвенной рукой... Не
заглядывай въ будущее: оно спрашно и
гибельно! «

— »Ахъ, Смоляновъ!... Умоляю те-
бя, дай мнѣ слово... «

— » Не говори мнѣ объ эпомѣ... не говори мнѣ ничего, если только ты меня любишь... Не ускоряй своими противорѣчiami эпои бѣдспивенной, роковой минуты! «

— » И ты можешь рѣшиться?... «

— » Молчи!... Ради Бога молчи!... Скажу тебѣ откровенно, что съ эпного мгновенія я отдаюсь безусловно во власть какого-то непостижимаго духа, который теперь овладѣлъ мною. «

— » А если эпои пагубный руководитель увлечетъ тебя къ гибели? «

— » Тогда... Но кто проникалъ за паниспвевный рубежъ? «

— » Владиміръ! вспомни о жизни за гробомъ! «

— » О!... не напоминай мнѣ объ ней!... Ужасающимъ призракомъ воз-

спаетъ она передо мною... Не напоминай-же мнѣ объ ней!... Дай мнѣ забыть на нѣсколько мгновеній! «

— » Не для того-ли, что-бы опаяповаться въ огнѣ наказанія? «

— » А за чѣмъ-же злодѣи опняли у меня все... все... даже честь?... И кто дастъ мнѣ силы, что-бы вынести бѣдспивіе? «

— » И пакъ ты непоколебимъ!... Но я спасу тебя пропивъ пвоей воли... «

— » Куда ты?... Постой, постой на минушу! «

— » Я иду къ мапушкѣ... я расскажу ей всё... «

— » Ни съ мѣста!... Я даю тебѣ слово... я оспанусь живъ! « закричалъ Вольдемаръ схвативши въ испугленнн руки Букина.

— » И ты не изменишь самому себѣ? «

— » Ньтъ!... Прощай-же на вѣки!
Для меня невыносимо это убійствен-
ное положеніе! «

— » Прощай, милый Вольдемаръ! По-
корись своей судьбѣ!... А я... я за-
впра-же, сегодня-же ѣду въ Пепер-
бургъ.... Теперь присутствіе мое мо-
жетъ быть даже пагубно.... Сеспра
вѣрно замѣшпипъ мою гореспъ, спа-
нешъ спрашивалъ — и тогда я не
ручаюсь за послѣдствія... Прощай-
же Владиміръ! помни свое слово! «

Молча обнялись два молодыхъ дру-
га... Гореспъ обоихъ какъ будто за-
мерла на минупу.... Казалось, что ка-
кая — по гробовая безчувспенность
оледѣнила ихъ.... Но вдругъ слезы
хлынули; задушающія рыданія смѣша-
лись въ глухой гулъ; объятія скрѣпи
еще болѣе.... Наконецъ Вольдемаръ

вырвался отъ своего друга и спать
говорипъ ему:

— » Скажи своей мапері... Ньтъ!
не говори ей ничего!... не говори даже
что я правъ!... Иначе она будетъ счи-
тать себя виноватою.... Прощай!...
Богъ да благословишь Лизу и васъ! «

Они обнялись еще — и черезъ ми-
нупу одна только густая пыль вила-
ся непроницаемымъ столбомъ по излу-
чинамъ дороги, медленно опдаваясь
отъ деревни.

Должно-ли мнѣ спыдипься сво-
ихъ слезъ и можно-ли печаль
мою назвать чрезмѣрною, когда
я потерялъ такого друга.

Гораций.

ГЛАВА VI.

ДУШЕВНОЕ ПАДЕНИЕ.

Если хотять сохранить свѣтъ
лампады, то надобно подливать
въ нее масла.

АНАКСАГОРЪ.

Только на половинѣ возвращающаго
пути бѣдный нашъ спрададецъ полу-
чилъ слова употребленіе мыслитель-

ной силы; но и въ это время душа
его представляла какой-то мрачный
хаосъ идей безъ цѣли, безъ последо-
вательности, безъ результатовъ....
Темный омутъ неизвѣстности раз-
верзался передъ нимъ и поглощалъ
всѣ его догадки, всѣ предположенія.

Какъ ни былъ онъ пресподушенъ
и доверчивъ на слово иныхъ бездѣль-
никовъ, съ которыми связывала его
судьба, однако-жъ сперва въ немъ не-
волью возбудилось подозрѣніе на Ва-
силья Пепровича, ибо только Бѣль-
скій и Варинька Лажина знали о его
намѣреніи ѣхать въ село Дубровин-
ское. О подругѣ Лизы не мѣзя было
даже смѣль и подумать; но впрочемъ
и первый былъ его давнишнимъ дру-
гомъ, испытаннымъ и вѣрнымъ, да и
кромѣ того, Буклина говорила о чело-
вѣкѣ хорошо ей извѣстномъ, а она не

знала Бѣльскаго.... » Нытъ! эпо не онъ!... Тупъ должно крѣпиться что-нибудь ужасное! «

Между тѣмъ гибельный, адскій со-вѣтъ злаго духа уже глубоко заронился въ его сжатое, убитое сердце. Бѣдная ржавчина отчаянія и неизцѣлимой горести подпочила упругія пружины разсудка, копорья-бы безъ него оппалкивали все пресупное.... Всѣ способности души, всѣ эпѣ сложныя часши его духовной машины, эпѣ шестерни нравственнаго бытія и нравственной дѣятельности — всѣ онѣ или вовсе рухнули на своихъ осяхъ, или опѣ сильного попрясенія и разспройсва дѣйснвовали совершенно проптивъ назначенія — и мысль грѣха росла и развивалася въ немъ безпрепятственно.

Время опѣ времени, и все слабѣе и

слабѣе, приходили ему на память слова: » Я оспанусь живъ, « копорья онъ сказалъ Буклину; но что значить эпо обѣщаніе, вырванное почти насильно, когда бѣдствіе давить насъ всею пягопюю своей?... когда мы не имѣемъ мѣста, гдѣ - бы преклонилиъ свою голову для нѣсколькихъ минутъ оживительнаго успокоенія?... Что значить оно, когда пиршествво надеждъ кончено, когда эпш свѣпочи счаспія погашены навсегда?... когда сердце пережило само себя?... И что значить тогда для насъ все на свѣтѣ, когда мы оппуждаемся опп всего свѣпа?... Сужденіе полпы? — Мы его не услышимъ!

» Но одно воспоминаніе о послѣдствіяхъ.... одна здравая мысль о жизни въ безконечности?... « говорите вы.

Человѣкъ лежалъ на розахъ въ объ-
ятіяхъ своего друга; къ нему шла его
ненаглядная невѣста; она проспирала
къ нему свои лилейныя руки; она го-
ворила ему сладкія слова любви; онъ
земли до лазури—все дышало для не-
го весною блаженства; воздухъ былъ
упитанъ наслажденіями.... вдругъ не-
вѣдомая, злодѣйская сила сполкнула
его въ пропасть.... онъ лепишь....
лепишь глубоко.... онъ упалъ.... Из-
раненные и раздробленные члены его
лежали на чемъ-то колючемъ и жгу-
щемъ.... Надъ нимъ ночь.... безпро-
будная, вѣчная ночь!... Вдали слышанъ
безучастный говоръ помы... Иные
равнодушно заглядываютъ въ без-
дну.... и.... безумные!... пѣшанся па-
деніемъ ближняго!... Несчастливецъ не
видишь ничего; но онъ сохранилъ въ
себѣ два горькихъ чувства: воспомни-

наніе о невозвратныхъ поперяхъ и
ощущеніе насмѣхающаго, ужаснаго, без-
помощнаго бѣдспвія.... Ни одинъ лучъ
надежды не прорѣжился къ нему
сквозь эту удушную пму — и въ
пребуеніе опъ него здоровой мысли!...

Глухіе и уныло-дребежащіе звуки
колоколовъ Спасской башни печально
замерли въ воздухѣ, проигравъ свои мо-
нофонные карильоны.... Пробыло двѣ
четверти одиннадцатаго, и въ ту са-
мую минуту, когда уничтожился по-
слѣдній ихъ опголосокъ, Вольдемаръ
медленно подѣхалъ на измученныхъ
лошадяхъ къ воропамъ своей кварши-
ры.

Сильный, порывистый вѣперъ да-
вно уже по наносилъ, по прогонялъ
или раздиралъ огромныя, черныя пу-
чи.... Неупомимая городская дѣяпель-
носиль ночью спихла....

Разлапавшись со своимъ ямщикомъ, Вольдемаръ позвенѣлъ въ калипку приврапника и покуда уснувшій спарикъ пробудился, вспалъ и успѣлъ оппереть ему — дождь хлынуть ливнемъ, громъ разразился въ оглушительныхъ перекапахъ.

Перескочивши проворно черезъ высокую подворопню, онъ бросился бѣжать опромешью во всю длину двора, чпо-бы скорѣе доспигнуть главнаго зданія, гдѣ были его комнаты; онъ уже подбѣжалъ къ парадному крыльцу; онъ уже схватился за ручку двери; еще одно мгновение и онъ безопасенъ; но вдругъ большая цѣпная собака сорвалась со своей приковки, налетѣла на него, какъ молнія, и прежде нежели онъ вскочилъ въ сѣни, озлобленное животное прокусило ему ногу.

Захлопнувъ за собою дверь и не чувствуя сторяча никакой боли, Вольдемаръ быспро взлепѣлъ по лѣспницѣ, поперевши на ней и плащъ и шляпу.... Едва живой, онъ какого-по невѣдомаго спраха, онъ вбѣжалъ въ свою комнату въ ужасающемъ безпорядкѣ и почти безъ чувствъ упалъ на постелю.... Кровь текла изъ раны.

Черезъ минупу, на шумъ отъ его прихода, явился къ нему Бѣльскій со свѣчею въ рукахъ и запрясся всѣми членами, когда взглянулъ на блѣдное, безжизненное лицо своего поварипца, искаженное спраданіемъ, и когда увидѣлъ свѣжую кровь, копорая, скользя съ одѣяла, спучала въ полъ крупными своими каплями.

Кликнувъ челоуѣка, онъ подошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ кровати и все

еще не зная, что ему дѣлать... Въ эту минуту Смоляновъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на него какимъ — по болѣзненнымъ шустрымъ взоромъ; приподнялся и сълъ облокотясь на подушки.

Это последнее движеніе развязало языкъ у Василья Пепровича.

— »Ради Бога, говори мнѣ скорѣе, что съ побою сдѣлалось?... Говори, откуда течетъ эта кровь?« закричалъ онъ.

— »Ахъ, Бѣльскій!... Я едва живъ! Ты не повѣришь, какъ испугала меня эта проклятая наша собака, которая сорвалась съ цѣпи и прокусила мнѣ ногу.«

— »Боже мой!... Да показывай-же мнѣ проворнѣе свою рану: вѣдь ее надобно и обмытъ, и перевязать... Не посланы-ли за докторомъ?»

— »Нѣтъ! нѣтъ!... Дѣлай самъ что хочешь, только пожалуйста не зови ни кого!«

Когда началась перевязка, тогда въ голову Вольдемара пришла новая мысль — мысль нелѣпая, безразсудная; но которая вмѣстѣ съ другими еще болѣе усиливала его душевное расстройство, еще болѣе ускоряла рѣшительное, конечное паденіе.

»Пусть люди,« думалъ онъ, »пусть люди возстаютъ прошивъ меня; пусть они гонятъ мою беззащитность и ненасытностью злобы и адскою клеветною; пусть они спараются погасить во мнѣ своею желчью все, чѣмъ живетъ мое сердце... Но и эта собака, которую я кормилъ каждый день, которая еще сегодня поупру виляла мнѣ своимъ хвостомъ, и она не узнала

меня... и она какъ будто захопѣла имѣть ровную долю съ людьми въ дѣлежъ моей крови... Нытъ!... я лишній членъ на землѣ!... Мнѣ должно избавить своихъ ближнихъ отъ самаго себя: мой видъ нарушаетъ ихъ спокойствіе... А эти громы?... Боже мой! для меня *все кончено!* «

Такъ многіе изъ насъ, не вынося какого-нибудь тяжелаго опыта, упадаютъ духомъ, и добровольно взваливаютъ на себя изнурительное иго воображаемыхъ бѣдствій, которое гораздо ужаснѣе, невыносимѣе бѣдствій существенныхъ, потому что они служатъ вѣрнымъ доказательствомъ душевной слабости.

Человѣкъ твердый сопротивитъ на совершившееся зло, какъ на рану, которая была неизбежна въ борьбѣ съ судьбою: онъ напрягаетъ всѣ

силы ума, что-бы изъ наспоящаго своего положенія, изъ всего, что его окружаетъ, извлечь для себя спасительныя средства. Онъ только отверживается эпотъ урокъ для будущаго... Слабый бросается совершенно въ пропивную сторону... Не заботясь о своемъ изцѣленіи, онъ несвоевременно и губительно погружается въ смутный анализъ минувшаго и, оуждая собственныя свои дѣйствія, пираетъ самаго себя бесполезными восклицаніями: » О! если-бы я сдѣлалъ *то!*... если-бы я сдѣлалъ *это!*... тогда-бы вѣрно не случилось со мною *того-то*... « Эпотъ ядъ безплоднаго раскаянія расправляетъ его глубокую язву: она нардѣваетъ, дѣлается злокачественною, смертельною... Изнуренный спрадаецъ чувствуетъ это ужасное дѣйствіе новой своей ошибки:

мучительныя боли его увеличиваются, силы къ перенесенію ихъ уменьшаются, и тогда, обманывая самаго себя, онъ начинаетъ видѣть въ каждомъ своего врага.... Это воображаемое, беспомощное одиночество, эта ложная увѣренность во всеобщей злобѣ, эта пагубная, включительная подозрительность (которая во всякомъ случаѣ есть порокъ, наказывающій насъ самъ собою), наконецъ эта поспѣдная мысль, что мы не въ состояніи перенести или поправить зло, довершаетъ его полному.... Человѣкъ гибнетъ безвозвратно!

Верхъ несчастія есть безсиліе перенести его.

Мудрецъ Блассъ.

ГЛАВА III.

ВСЕ КОНЧЕНО!

Часъ приближается.... Я слышу крикъ того, который зоветъ меня.... Тайный голосъ.... Но за чѣмъ еще медлить?... Прощай Аристиппъ!... Лаиса!... Музарьена!... Прощайте!... По-забудьте меня!...

Виландъ.

Когда перевязка укушенной ноги кончилась и два друга оспались на единѣ, тогда Бѣльскій спросилъ Вольдемара:

— » Ну, милый другъ, какъ пы се-
бя чувствуешь пеперь? «

— » Очень хорошо, благодаря пво-
нимъ спараніямъ. «

— » И! полно пожалуйста!... Кля-
нусь тебѣ Господомъ Богомъ и всіми
святými, я-бы согласился съ радостію,
чтобъ эпа скверная собака, которую
я убью завтра-же, вмѣсто тебя уку-
сила бы меня. «

— » Спасибо! « отвѣчалъ Смоляновъ
пожимая руку своего поварища, »поль-
ко сдѣлай милость не исполняй своей
угрозы... Чѣмъ виновато эпо бѣдное
животное, что глупый приврапникъ
приколопилъ ея цѣпь ржавымъ гвоз-
дѣмъ? «

— » Какъ чѣмъ?... Помилуй!... Да
какъ-же она, каналья, не узнала те-
бя?... Ты-же еще и кормишь ее вся-
кій день. «

— » Э, Вася!... брось эпо! Должно-
ли, брапецъ, спрашивать съ собаки,
когда люди кусаются гораздо больше,
и, почему знашь, можетъ быть люди
самые близкіе; пѣ, которымъ опкры-
то все, что только есть у насъ на
сердцѣ; пѣ, съ которыми у насъ все
общее... Эпо укушеніе гораздо глуб-
же, гораздо по больше... Не правда-
ли? «

— » Охъ, Владиміръ! и не говори лу-
чше!... эпо ужасно!... И какъ пришло
тебѣ въ голову выдумывать такіа
спрасни? «

— » То - по и худо, къ несчастію,
что я не выдумываю... Со мною сы-
гралъ кто-по самую адскую, самую
злодѣйскую шпuku: дай только Богъ,
что-бы она не опоздалась никогда
эпому безсовѣстному человѣку, иначе
ему будетъ очень тяжело. «

— » Ахъ, Боже мой!... Да не пугай меня Христа ради... Не уже-ли и въ самомъ дѣлѣ съ побоею случилось что-нибудь дурное? «

— » И будпо ты ничего не знаешь? «

— » Какъ Богъ свяпъ — ничего!... Провались я сквозь землю и да разразишь меня громъ небесный!... Пусть прокляпие Всемогущаго... «

— » Вѣрю!... вѣрю!... « кричалъ Вольдемаръ зашкнувъ уши, пока Бѣльскій говорилъ скороговоркой свои обыкновенныя кляпвы. «

— » Ну, вопъ это большая разница, а по сейчасъ и на меня!... Какъ будпо я могу знать, что дѣлается вездѣ... Однако-жь, скажи-ка въ чемъ же дѣло и что за шпuku сыграли съ побоею? «

— » Чпо за шпuku?... Меня не приняли у Буклиныхъ... и какъ не приняли!... Какъ челоуѣка, который сдѣлалъ какой-то подлый поступокъ; какъ челоуѣка, который однимъ своимъ появленіемъ можетъ нарушить семейственное спокойствіе!... Понимаешь-ли ты это?... Видишь-ли ты эту сапанинскую силу удара, который однимъ размахомъ лишилъ меня не только счастья, не только всехъ надеждъ на него, но даже и добраго имени?... И въ чыхъ глазахъ?... Гдѣ я больше всего на свѣтѣ дорожилъ хорошимъ мнѣніемъ!... Можешь-ли ты поспигнуть, что значитъ оспаваться безо всего—безо всего, что насъ радовало; безо всего, чѣмъ мы гордились?... Можешь-ли ты предсавить себѣ положеніе челоуѣка, которому суждено получать за любовь — пре-

зрѣніе, за благородныя правила—обидныя подозрѣнія въ лицемѣріи и презрѣніи, и попомъ, когда онъ не вынесеть этихъ ужасныхъ бѣдспивій, когда онъ изнеможеть опять гореспи, тогда ему должно будетъ видѣть наконецъ презрѣніе тѣхъ, которые его погубили?... Слышишь-ли ты? Вездѣ, опять всѣхъ, одно убійственное презрѣніе! «

— » Ахъ, Царь ты мой Небесный!... Какое безчеловѣчное злодѣйство!... Но не примаешь-ли ты эшаго уже черезъ чуръ близко къ сердцу?... Мало-ли что иногда намъ кажется?... Не лъзя-ли еще какъ-нибудь поправши твоеихъ обстоятельствъ? «

— » Нѣтъ!... невозможно!... Ударъ сдѣланъ слишкомъ вѣрно! «

— » По крайней мѣрѣ не лъзя - ли

изобличить бездѣльника, который надѣлалъ все эти пакости? «

— » И эшаго не возможно!... Говорю тебѣ, что пайный врагъ мой предусмотрѣлъ и расчелъ все.... Не любя приговорствовать, я скажу тебѣ откровенно, что сначала подозрѣніе мое пало на тебя. «

— » Можно-ли огорчать такимъ образомъ челоуѣка, который всегда готовъ пожертвовать для себя своею жизнью.... Не уже-ли и по сію пору ты не увѣренъ еще въ моей дружбѣ?... И что мнѣ за надобность мѣшашъ твоему счастью?... Богъ съ побою, Владиміръ! «

Тупъ Бѣльскій началъ опирая слезы и Смоляновъ бросился обнимать его.

— » Проспи своему другу это минутное заблужденіе!... Мое несчастіе

извиняешь меня передъ побою!... И какъ мнѣ было не подумать, когда только ты одинъ и еще одна особа, знали о моемъ намѣреніи ѣхать въ Дубровинское? Неизвѣстное лицо никакъ не могло измѣнить мнѣ, оспался ты—и въ минуту жестокой горести я сдѣлался невольно виноватымъ противъ тебя... Но когда Буклинъ сказалъ мнѣ, что мать получила уведомленіе отъ челоуѣка ей извѣстнаго, тогда я пошпчасъ-же снялъ съ тебя это гнусное пятно... Извини-же меня, мой добрый другъ!»

— » Ужъ эпаго не воропишь, только не обижай меня такъ жестоко въ другой разъ... Но что-же попомъ? «

— » Попомъ я совершенно сбился въ своихъ догадкахъ и по сіе время никакъ не могу напасъ на заперянный слѣдъ... Впрочемъ, для меня спе-

перь ничего не нужно... Какая будетъ мнѣ польза, если я узнаю своего злодѣя? «

— » Тогда, по крайней мѣрѣ, ты можешь оправдаться передъ Буклиными... «

— » Да! это правда!... Но Лиза дала уже слово другому и я долженъ оставаться челоуѣкомъ безъ чести, что-бы въ самомъ дѣлѣ не нарушить ея спокойствія... Ахъ, Боже мой!... какое ужасное положеніе!... Прощай, Василий Петровичъ!... Мнѣ хочется побѣить одному... мнѣ что-то тяжело. «

— » Прощай, мой другъ!... Успокойся, сдѣлай милость!... Побереги себя для своихъ родныхъ и для меня. «

— » Хорошо! хорошо!... Я постараюсь себя успокоить. «

Бѣльскій обнялъ его... Они распались... Пробыло одиннадцать... Буря дѣлалась сильнѣе....

Припворивши дверь своей комнаты, Вольдемаръ подошелъ на цыпочкахъ къ чемодану, досталъ изъ него свои дорожные писпелеты, взялъ ихъ и вздрогнулъ какъ преступникъ, пойманный неожиданно на мѣстѣ своего злодѣйства....

Въ первыя минуты эпаго судорожнаго попрысенія, орудія смерти невольно выпали изъ его рукъ; но ложная мысль его проникнула съ пагубнымъ предупрежденіемъ въ печальную будущность до гроба, разспроенное воображеніе представило ему картину грядущаго, — она была ужасна!... Съ ливердоспцію, съ рѣшишельностію опчаянія поднялъ онъ писпелеты;

еще разъ мысленно оглядѣлся около себя: ему показалося, что вокругъ его нѣтъ ни одной слабой, ни одной нѣжной нити, которая-бы связывала его съ общеспвомъ,—и пуля, скапаясь по коропккому дулу, прошепала первый глаголъ приближающейся смерти... Глыба льда упала на его сердце!...

Онъ сѣлъ въ кресла за письменный сполнкъ и положилъ передъ собою символъ разрыва съ жизнью, какъ напоминаніе о бѣдспвенныхъ, незамѣнимыхъ поперяхъ, какъ единственнѣй успокоитель невыносимыхъ спрадапій... Въ немъ, въ эпомъ орудіи, избрѣпленномъ людьми, въ нѣсколькихъ зернахъ пороха, заключался вяпный для одного и пельпный для другихъ отвѣтъ на важнѣй вопросъ, на великую теорему жизни духа.... Это

былъ таинственный, послѣдній прагъ между явленнымъ и невидимымъ, между временнымъ и вѣчнымъ, между условнымъ и безусловнымъ, между сущест- венными мученіями—и *неизвѣстными!*

Вольдемаръ занялся письмами.

Онъ уведомлялъ опца, что будпо- бы, нашедши случай ѣхать въ чужіе края, хочеть имъ воспользоваться.... Онъ просилъ у него благословенія и обѣщался писать изъ Пепербурга.

Къ Буклину было написано слѣду- ющее:

» Милый Василій!

» Когда ты получишь эту спроки, тогда твоей несчастливый другъ не бу- дешь уже сущестпованъ на свѣтѣ.... Не обвиняй меня слишкомъ спрого за нарушение даннаго тебѣ слова.... Раз-

ставшись съ побою, я увидѣлъ, что это гораздо выше моихъ силъ.... Знаю, какъ ты меня любишь и попому про- шу тебя: постарайся забыть *отвер- женнаго*; пусть памяпи о моей по- гибели не нарушаетъ яснаго спокой- ствія твоей чистотой и крошкой ду- ши.... Упопроби все силы, что-бы твоя мапушка и она не узнали о томъ, какъ я умеръ.... Это послѣдняя моя посьба.... Будь счастливъ.... Про- щай!... Я не смѣю.... я не долженъ.... я не могу сказать тебѣ: *до незем- наго свиданія!* «

Къ Бѣльскому онъ писалъ больше о самыхъ необходимыхъ распоряженіяхъ, но въ концѣ своей записки благода- рилъ его за поспоянную вѣрную дру- жбу, и также, какъ и Буклина, умо- лялъ скрыть обо всемъ, или, если это будетъ невозможно, по приписать

настоящій бѣдспивенный случай припадку сумасшествія опть укушенія бѣшеной собаки.

Пробило при четвертви двѣнадцатого....

Запечатавъ и написавъ пакеты, Вольдемаръ снялъ со стѣны небольшой образъ, которымъ благословилъ его отецъ, поставилъ его на столъ, преклонилъ предъ нимъ свои колѣна и началъ молиться одними устами.

Сначала душа не брама ни какого участія въ эпомъ условномъ лепетѣ: заперженныя памянью слова проносились, исчезали одно за другимъ и какъ-будто скользили по какой-то панспивенной, льдиспой оболочкѣ чувствъ; но потомъ, мало - по - малу, они спали вызывають изъ души теплоту глубокихъ, хриспанскихъ мыслей,

какъ спрѣближеніемъ руки вызывають искры изъ наэлектризованнаго конденсора.... Сердце начинало согрѣваться и оппаяваться.... Какой-то дивный, спасительный ударъ, какъ будто ударъ Вольпова сполба, попрясь спрашное, могильное спокойствіе, рожденное оппачаіемъ.... Грудь поднялась высоко.... Виуспреннее, жестокое волненіе прихлынуло къ горлу чѣмъ-то тяжелымъ.... и обхватило его и спрадалецъ задыхался болѣзненно....

Слезы, эпть примирительницы нашей возмущившейся, безразсудной слабости съ испытаніями судьбы, эпть посредницы между бѣдспивіемъ и успокоіемъ, гоповы уже были брызнуть горячими ручьями.... еще одна минута—и спасеніе его было-бы несомнѣнно; но Вольдемаръ услышалъ

шорохъ, оглянулся и увидѣлъ своего поварища, который подкрадывался къ нему, чпо-бы завладѣть пагубнымъ орудіемъ.

Эта печальность рѣшила участь Поэма....

Новое, ужасное помѣшательство овладѣло его умомъ, бѣшенство овладѣло душою: жребій гибели былъ выбранъ въ одно мгновеніе....

Испуганный, онъ подскочилъ къ столу.... схватилъ пистолетъ.... припворнымъ движеніемъ угрозы оподвинулъ онъ себя своего поварища къ самымъ дверямъ.... попомъ быспро оборотилъ дуло.... курокъ щёлкнулъ.... духъ смерти пронзесъ послѣдній, громкій глаголь—и пуля, выкупанная въ крови, глубоко впиалась въ спѣну....

Все кончено!...

Загадка разгадана!... Буря стихла!... Колокола Спасской башни провозгласили медлительно уныло — мрачный часъ духовъ и привидѣній!...

Гробница есть памятникъ, воздвигнутый на рубежѣ двухъ міровъ.

Барнарден'де Сен'Пьеръ.

ГЛАВА ЛІІІ.

ПОЧТОВАЯ СТАНЦІЯ.

Привѣтствую тебя безсмертнѣйшій человекъ!... Топъ богухульствуетъ, кпо называетъ тебя смертнымъ.

Ю н г ъ.

Ноябрьскій морозъ прещалъ.... День брежилъ и разгорался.... Пыльная изморозь начинала вспыхивать блестя-

щими искорками разноцвѣтныхъ каменьевъ.... Кое-гдѣ легкіе, прозрачныя, прямые столбы дыма взвивались къ небу и были знаками пробуждающейся дѣятельности.... Маленькія, крепіянскія избы небольшой деревеньки засвѣплѣлись внутри опять широкаго пламени распившихся печей.... Тамъ спукнуть воропа.... Въ другомъ мѣстѣ щёлкнетъ дверь.... Въ прелѣемъ раздастся невнятный говоръ людей проходящихъ съ обозомъ.... Спали поипъ лошадей.... Спали выдвигать изъ-подъ навѣсовъ розвальни, заваленныя поварамн.... Широкіе полозья скрипѣли по затвердѣвшему снѣгу.... Лошади ржали.... Полусонные мужики показались на улицахъ.... Гуль увеличивался.... Наконецъ послѣдилась прескучая, разсыпная и звонкая переключка бабъ со своими сосѣдками....

Ни одна живая душа не осталась спящею.... Утро настало рывительно!...

Но пишина не нарушалась еще въ домъ спанціоннаго смотрителя.... Тамъ въ двухъ небольшихъ комнатахъ расположились какіе - то привъзжіе.

Въ одной изъ нихъ, которая была помельше, спали двое мушкетъ; въ другой помещались двѣ дамы.... Окна обѣихъ комнатъ были завѣшены прищипленными наскоро женскими платками.... Множество уютныхъ чемодановъ и шкапулокъ, множество громаднхъ ящиковъ и узловъ спояло и лежало по разнымъ угламъ....

Два большихъ, покойныхъ экипажа, принадлежащіе этимъ временнымъ жильцамъ почтовой спанціи, были

заперты въ большую заводию.... Все показывало, что они будтъ изъ - далёка и что какая-нибудь важная причина заставила ихъ расположиться въ этомъ мѣсцѣ и пергѣть дорожныя неудобства.

Подлѣ кровати молодого изъ мушкетъ сидѣла какая-то хорошенькая женщина: она дремала, скрепивши свои руки на спинкѣ стула и положивши на нихъ свою голову.... Время отъ времени взглядывала она съ участіемъ на спящаго; но всѣ ея движенія были такъ осторожны, что отъ нихъ не слышалось ни малѣйшаго шороха.... Наконецъ замѣпивъ, что потъ, за которымъ она ухаживала такъ старательно, открытъ глаза, она сказала почти шопотомъ:

— » Спице, сударь; еще очень рано....«

— » Рано?...« опивъчалъ проснувшійся довольно слабымъ голосомъ; » а зачьмъ-же ты сама здѣсь? «

— » Я, сударь?... Да для меня-то что ужъ за рано?... Я давнымъ-давно высналась. «

— » Ахъ, Соничка!... Ты совсѣмъ не бережешь себя! «

— » Что вы, сударь?... Да какъ-же мнѣ еще беречься?... Развѣ вы не видите, что я здоровѣхонька? «

— » То-то и есть, что не вижу.... Вѣдь тебя не узнаешь и пвой мужъ, такъ ты похудѣла въ эти чепьре мѣсяца, которые ты проходила за мною.... Конечно, къ тебѣ идешь и эта блѣдность, потому что такой милочкѣ, какъ ты — все хорошо. «

— » А, сударь! вы изволили шумить! Ну, слава Богу!... Спало быть

вамъ гораздо полетче.... Это* еще въ первый разъ во всё чепьре мѣсяца. «

— » Да, Соничка!... Я почти здоровѣмъ совсѣмъ опъ вчерашней радости. Однако-жъ я все-таки буду говорить всегда и всѣмъ, что безъ тебя мнѣ-бы не выжить. «

— » Опять, сударь, за старое!... А какъ я васъ просила, чтобы вы не изволили взводнить на меня напра-слины. «

— » Ну, хорошо! хорошо!... Я не буду говорить, только ты ужъ не запретишь-же мнѣ чувствовать. «

— » Какъ вамъ угодно!... Припомъ-же, « прибавила она, пощупывая глаза, » чѣмъ мнѣ заслужить мою вину передъ вами? «

— » Соничка!... Я разсержусь на тебя безъ шутокъ, если ты скажешь

мнѣ еще объ эпомъ хопь одно сло-
во.... Говорю тебѣ въ послѣдній разъ,
что пвои напоминанія распржежи-
ваютъ меня. Не уже-ли ты хочешь,
чтобъ я занемогу по прежнему?»

— » Виновата, сударь! Простите
меня сдѣлайте милость.... Я больше
и не занкнуся. «

— » Вопь что умно, такъ умно! «

— » Не пора-ли вамъ принять ваше
лѣкарство? «

— » Копорый часть? «

— » Три четверти седьмого. «

— » Постой-ка! постой Соничка!...
Точно! наши дамы проснулись.... Спу-
най-же туда: ты вѣрно будешь тамъ
по нужнѣ, а ко мнѣ пошли Алѣш-
ку. «

Молодой человекъ, который гово-
рилъ это, почно не обманулся на
счетъ дамъ. Вскорѣ послѣ того про-

будился и спарикъ, который спалъ
съ нимъ въ одной комнатѣ.

— » Нью, Владиміръ - та Николае-
вичъ, « сказалъ послѣдній пропирая се-
бѣ глаза, » какъ вы-та себя-та шу-
спвуете сегодня? «

— » Гораздо лучше! несравненно луч-
ше, почтеннѣйшій Карлъ Карловичъ! «
опвѣчалъ Глюкману молодой Смоля-
новъ. » Мнѣ кажется, что я совершен-
но здоровъ. «

— » Это будетъ больно-та скоро.
Погодите-та немножко, « продолжалъ
Глюкманъ надѣвая халатъ и подхо-
дя къ постелѣ Вольдемара.... » Ну-
те-ка, одолжите ваша-та рука....
Gut! sehr gut!... то естъ: прекрасна-та!
А вашъ-та языкъ?... Шиста!... Толь-
ко попейте - та одѣвайтесь-та по-
жалуйста, когда будете вставать-
та. «

— » Какъ-то вы провели ночь? «

— » Я спала, какъ сномой-то настопящие медвѣди.... Эче!... И наши барыни проснулись-то.... Любофъ Николаевна!... Какъ это вы-то себя изволили чувствовать? «

— » Чрезвычайно хорошо!... Покорно васъ благодарю за участіе! « отвѣчала Любинька.

— » Ну, я оиень-то радъ!... А вы-то какъ поживаете, моя мишенькая половинка? «

— » Я теперь совсѣмъ отдохнула съ дороги, « сказала пятидесяти-пятилѣтняя мишенькая половинка почтеннѣйшаго Карла Карловича. «

— » Спало бытъ все-то обстоиптъ благополучно-то?... Теперь хорошо-бы спаканшикъ кофе и для духа немножечко-то капелекъ ромку. «

— » Милоспи просимъ черезъ четверпъ часа! « отвѣчала Любинька — и убиране началось производиться дѣяптельно въ обѣихъ комнапахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ двадцать самоваръ кипѣлъ уже на сполѣ, кофе былъ готовъ и четверо дорожныхъ людей сидѣли вмѣстѣ и завпракали.... Глюкманъ, наливъ пол-спакана своего любимаго Нѣмецкаго взвара, долилъ оспальное ромомъ для духа и, попягивая эпоптъ цѣлебный соспавъ, принялся разспрашивать Вольдемара, какимъ образомъ напали на него разбойники.

Смоляновъ, по предварительному соглашенію съ сеспрой, лгалъ на пропадую.... Ахамъ, геръ Иезусамъ, охамъ и менпъ Гопамъ не было конца.

— » А на сколько вы попертъли убпика? « прибавила наконецъ госпо-

жа Глюкманъ, для которой жипейское достояніе было самымъ важнымъ пункпомъ.

Вольдемаръ оплилъ еще одну пулю и всѣдъ за пѣмъ спарался перемѣнить разговоръ... Карлъ Карловичъ навелъ его на своихъ бывшихъ пациенповъ.

Говоря со всею опчетпливостію, какимъ образомъ онъ лѣчилъ спарика Смолянова и попомъ спарика Сашина, онъ обвинялъ ихъ въ неспрогомъ исполненіи его медицинскихъ предписаній и быть почно правъ... Все искуство его оспалось безуспѣшнымъ и оба эпи больные умерли одинъ за другимъ на его рукахъ.

— » Однако-жь, любезнѣйшій Владимиръ Николаевичъ, « сказала напоследокъ докпорша, » вы таки должны благодарить вашего дяжющку за его па-

мяпъ о васъ: вѣдъ онъ однимъ вамъ оспавилъ все, что имѣтъ, а капишатъ-по, право, хопъ куда!... Пяпъдесяпъ тысячъ руб.ликовъ не подымешъ на улицъ. «

— » По всему видно, что покойникъ хопѣлъ вознаградить меня за мои попері; но можно-ли эпо сдѣлать деньгами... Впрочемъ, я никогда не возспавалъ пропивъ него своимъ сердцемъ: все, что онъ ни дѣлалъ, онъ дѣлалъ спараясь о моей пользѣ. «

— » Что-жь эпо?... Вѣрно какой-нибудь неудачный оборопъ?... Только, кажется, спарикъ-по быть очень расчепливъ. «

— » И все таки ошибся!... Вы опгадами, что онъ далъ самый неудачный оборопъ одному дѣлу; но повпору еще разъ: я зналъ причину его поспупковъ и иссчасіе не мѣшало

мнѣ любить и уважать дядюшку. Теперь я благословляю его память.»

Тутъ Любинька, по просьбѣ брата, пересказала ему сквозь слезы всѣ подробности о смерти ихъ отца и какъ она, сдѣлавшись сиротою, спала горевать еще болѣе, когда въ началѣ Августа Бѣльскій возвратился одинъ и увѣдомилъ еѣ, что, побуждаемый службою, онъ долженъ былъ оставить на дорогѣ больного брата ея, за припасами опять Нижняго Новгорода, откуда прислалъ онъ ему лѣкаря.

— »Я-бы поехала къ тебѣ тогда-же,« говорила она; »но какъ дуспитъ-ся одной въ такую даль?... Добрая моя спутница Катерина Ивановна сбегалась выѣхать изъ Сибири не раньше, какъ по первому зимнему пуши, потому что Карлъ Карловичъ могъ

только въ Октябрѣ получить увольненіе.... Долго я шоквала ужасно; наконецъ свое коротенькое письмо, въ которомъ ты написалъ мнѣ, что за побой ухаживаетъ эта миленькая Соничка, очень много успокоило меня.»

Соничка покраснѣла и вышла.

— »Да!« сказалъ Вольдемаръ; »вы себя не можете представить, какъ много сдѣлала для меня эта женщина!... Дня черезъ при послѣ того, какъ искреннѣйшій другъ мой Бѣльскій бросилъ меня въ эпоху избѣ почти на вѣрную смерть, въ ту самую минуту, когда прѣхавшій ко мнѣ Нижегородскій уѣздный лѣкарь спалъ осматривать мой бокъ, она вбѣжала въ мою комнату, вскрикнула и бросилась на колѣна передъ кроватью.... Не умью передать вамъ всего, что она

говорила; впрочемъ всѣ ея слова сосполяли по большой части изъ однихъ восклицаній и просьбъ, копорья опносились къ врачу, что-бы онъ спспарлся спасши меня.... Надобно было видѣть ея радость, когда она узнала, что я нахожусь въ всякой опасности.... Медикъ, копорому не лзя было навѣщать меня часпо, надавалъ мнѣ множесиво разныхъ лѣкарствъ— и Соничка спросила у него раза чепыре какъ, что и когда употреблять.... Оспавшись со мною на единѣ, эпа новая хожалая моя рассказала мнѣ, что она давно оппущена на волю моею двоюродною сеспрюю; что она вышла за-мужъ за Московскаго мѣщанина, копорый по своимъ дѣламъ ѣхалъ погда съ нею въ Москву; но что она никакъ не оспавишь меня до пѣхъ поръ, пока я не выздоровлю

совершенно. Съ пѣхъ поръ прошло около пяппи мѣсяцевъ и Соничка почно не опходила опъ меня почпи ни на минушу.... Добрый мужъ эпой женщины согласился на ея желаніе, а сама уѣхалъ на другой-же день: бѣднякъ-по, я думаю, ждепъ не дождепся своей молодой жены. Не знаяши меня прежде, онъ пеперь во всякомъ пшсьмѣ навѣдываепся очень усердно о моемъ здоровьи. «

Въ подобныхъ разспросахъ и разсказахъ прошло цѣлое упру.... За обѣдомъ, Вольдемаръ чувспвуя, что ему въ самомъ дѣлѣ спало гораздо лучше, разумѣепся не сполько опъ лѣкарствъ господина Глюкмана, сколько опъ того, что увидѣлъ свою сеспру и слѣдспвенно нашель человѣка, съ копорымъ могъ быпъ вполне опкровеннымъ,—спросиль у своего доктора,

когда онъ ему позволить выѣхать изъ этаго захолустья.... Глюкманъ совѣпывалъ Поэпу прожить спуть еще двѣ или при недѣлки и потомъ ѣхать, укупываясь какъ можно теплѣе, а самъ собирался въ дорогу въ попь-же день.

— » Пробывши-па съ вами цѣлыя-па супки, « прибавилъ онъ, » я увидѣлъ, что грусть-па и скука больше-па причиняли вамъ-па болѣзни, чѣмъ ваша-па рана; пеперь съ вашей сесприцей-па совсѣмъ другое-па дѣлѣ: вамъ бояться не надобно, а мы-па, съ моя любезная Капинька, по нашему по предназначенію опправляем-ся. «

Сказавъ эптопъ длинный періодъ, онъ поразилъ однимъ глоскомъ огромную рюмкою ликера, върояпно для подержанія своей - па Нѣмецкой - па

важности. Попомъ замѣпя, что положеніе его больнаго почно несравненно лучше, нежели онъ ожидалъ, судя заочно по словамъ Любиньки, Глюкманъ увидѣлъ, что ему нечего спуть дѣлать и попому приказалъ укладываться.... Передъ опѣздомъ онъ пригоповилъ для Вольдемара нѣсколько лѣкарствъ, надавалъ пронаспѣ направленій — и въ сумерки спарые знакомые разспались.

Молчаніе для человека просподушнаго, привыкшаго дѣлаться съ каждымъ своими чувствами и мыслями, по-же, что шюрма для кочеваго жипеля степей; и если послѣдній, вырвавшись изъ заключенія, съ дикимъ воспоргомъ пожираетъ всю необозримость пространства, какъ будпо жемая разлпсь въ немъ вдругъ на всѣ чепьре спороны, — по и пер-

вому чрезвычайно радостно увидѣть кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, чтобы опкрыть ему все, запанвшееся у него на сердцѣ.

Вольдемаръ, оставшись на единѣ съ сеспрою, не могъ на нее наглядѣться... » Вотъ та, « думалъ онъ, » копорая облегчить мои спраданія!... И за-чѣмъ не доврять я ей прежде?... Но впрочемъ, къ чему послужила-бы эта опкровенность?... Могла-ли сеспра моя опвратить опъ меня что-нибудь, опшибаясь одинаково со мною на счетъ людей, которые насъ окружаютъ?... Чувство этой тяжелой возможности только-бы увеличило ея собственную горестъ, а теперь... теперь мы поплачемъ вмѣстѣ; теперь я вздохну свободнѣе: числона ея души разсѣетъ мое уныніе своимъ оживляющимъ свѣтомъ!... Но съ чего на-

чать?... Ахъ, какъ трудно сознаваться въ своихъ заблужденіяхъ! «

Разговоры полные взаимной, безусловной опкровенности, очень рѣдко начинаются вдругъ, съ перваго слова, особливо если одинъ изъ говорящихъ долженъ обличать передъ другими самаго себя... Надобно разговориться, увлечься духомъ дружбы, и тогда пайникъ, въ копоромъ хранятся наши завѣщныя мысли, наши великодушныя самоосужденія (если только мы не сполько мелочны, что-бы всегда оправдывать себя и обвинять другихъ), тогда эполтъ глубокой пайникъ нечувствительно опкроется самъ собою; тогда мы безъ всякаго усилія выскажемъ все, чего-бы никакъ не сказали въ другое время, въ случаѣ спрогихъ уличеній или привязчивой допытливости.

Замѣчу между прочимъ, что самовольное и опекрѣпное сознание мыслящаго челоуѣка въ своихъ слабостяхъ, ошибкахъ и пѣтъ болѣе порокахъ, тогда только бываетъ совершенно чиспосердечно, когда онъ можетъ своими намеками указать въ себѣ на что-нибудь *доброе*, которое заплняло-бы собою почти все *худое*.... Короче и яснѣе, надобно сперва опспранить себя отъ какого-нибудь заблужденія, что-бы безприпворно охуждать его въ собственннхъ бывшихъ поспупкахъ и безукоризненно въ другихъ.... Безъ этаго опспраднаго подспоря прудно рѣшились выславить на показъ свои дурныя спороны, и припомъ, чѣмъ-же мы будемъ тогда въ глазахъ каждаго? Людми жалкими, которые видятъ зло и неиспвуютъ отъ безсилія. Эпонтъ отвѣтъ былъ-бы чрез-

вычайно ппаяспень для нашего самолюбія.

Чепырех-мѣсячныя спраданія, ппаяспелья прапы и несчастія, наконецъ самое глубокое, самое искреннее раскаянне, породившееся отъ ппаяспельи вѣры, казалось, были для Вольдемара сплшчкомъ достапочными испушпелами его минувшихъ заблуждений.... Онъ началъ....

Я вамъ перескажу все свои несчастія, которые навлекъ на меня ложный другъ, льспившій мои спраспямъ.

ФЕНЕЛОНЪ.

ГЛАВА LIV.

НАЧАЛО ИСПОВѢДИ.

Я могу даже, если ты хочешь, показать тебѣ опчешливо, какъ, въ чемъ и до какой степени я улучшился въ эпоху школы.

В и л а н д ъ.

— » Никогда еще не говорилъ я тебѣ о тѣхъ чувствахъ, которыя, съ самаго перваго моего шага въ свѣтъ,

составляли попребность, спихію жизни моего сердца. «

— » И однако-жъ, не смотря на твою непроспипельную скръпность, я знала объ нихъ попчасть послѣ твоего пріѣзда въ Сибирь. «

— » Какимъ-же образомъ? «

— » А развѣ ты позабыла о своихъ друзьяхъ? «

— » Но почему ты не сказала мнѣ тогда-же объ эпохѣ измѣнъ? «

— » Въ то время я не считала измѣною ихъ пересказовъ. Во первыхъ — они оба облекали ихъ шупкою; во вторыхъ — просили пайны, брали напередъ честное слово въ молчаніи; въ прерпыхъ... «

— » Чпо-же въ прерпыхъ... Говори пожалуйста безъ эпохъ мучипельныхъ паузъ. Тепера дѣло прошлое: щадипъ некого; я вынесъ слишкомъ

птяжелый грузъ существенныхъ несчастій, что-бы гнутьсѣ, падашь или надрывашься подъ ничтожнымъ дрязгомъ и соромъ, копорый разсыпають вездѣ самыя ничтожныя душѣйки... У меня, благодаря Бога, естъ пеперь свѣча, что-бы освѣщашь и видѣшь всѣ этъ чѣрныя низоспи, копорыя, какъ ядовитыя испаренія, вылепають изъ сердца многихъ и, составляя ихъ атмосферу, оправляютъ окружающихъ... У меня естъ пинь Ариадны для извивиспаго лабиринна слѣпшей. И такъ что-же въ пренныхъ?»

— » Они говорили, что пы, по молодоспи своей, увлекся черезъ чуръ ошибочно! «

— » Понимаю!... Они описали тебѣ эту прелестную дѣвушку, эту милую Лизу, какъ существо не только очень

обыкновенное, но можетъ быть и порочное... Не удивляюсь, даже нахожу ихъ поступокъ въ порядкѣ вещей: по-смотри на всѣхъ мелкихъ, жалкихъ, погибшихъ по душѣ людей, — и пы увидишь вездѣ одно и то-же... Разрывая, по какимъ-бы по ни было причинамъ, чужія связи, они чернятъ, гдѣ слѣдуешь, и ту и другую сторону... Эпа адская уловка мѣшаешь сблизиться уязвленному эгоизму и опкрѣпить наспоющій источникъ зла; эпо служить охраннымъ листомъ бездѣльниковъ, съ копорымъ они идутъ спокойно каждый къ своей цѣли... Но оставимъ ихъ! Я увѣренъ, что все къ лучшему; я даже благодарю судьбу за мои печальные, но наславительные опыты: операция была птяжела, за по изцѣленіе, кажепся, довольно надежно.... Теперь я не сомнѣваюсь ни

сколько, что въ бытность мою въ Пестербургъ, кпо нибудь изъ двухъ: либо Бѣльскій, либо Арскій, воспановилъ покойнаго дядюшку пропавъ моего коропкаго знакомства съ Буклинными.»

— » Это работа Василя Пепровича.... Онъ говорилъ мнѣ, какого ему труда стоило вырвать себя изъ бездны, въ которую ты падалъ.»

— » Какое великодушіе!... И ужъ, разумѣется, при этомъ случаѣ онъ не пропустилъ упопробить обыкновенную, пошлую увертку безспыднаго нахальства, которое всегда заключаетъ собственный рассказъ о небывалыхъ своихъ добродѣтеляхъ, выраженіемъ: я сдѣлалъ все, что могъ; однако-жъ черезъ это я не приписываю себѣ никакого достоинства и очень

далѣкъ отъ того, что-бы претованъ вашей благодарности.... Мнѣяюся одни слова, но смыслъ почти всегда одинъ и тотъ-же.»

— » Ты не оубисся на этоотъ счетъ.»

— » Тѣмъ лучше!... Это плодъ созерцанія бѣдспвій.... Онъ горекъ, очень горекъ: онъ разочаровываетъ нашу дѣвспвенную, младенчески-неопытную фантазію; онъ разрушаетъ эти приемы, сквозь которые мы любуемся на всѣхъ, и въ замѣну даетъ намъ всѣ средства осперечь себя отъ новыхъ несчастій.... Тебѣ извѣстно, что въ первый-же день моего пріѣзда въ Сибирь, я вспрѣпилъ Раису Беннину....»

— » И влюбился въ нее, позабывши свою Лизу.... Не правда-ли?»

— » Да!... Теперъ мнѣ видно, какъ я обманывалъ самаго себя.... Одна, двѣ

черпты небольшого сходства лицъ, вовсе незамѣтнаго для другихъ, поразили разгоряченное мое воображеніе!.. Надобно сказать тебѣ при этомъ, что первая спрасъ овладѣла мною слишкомъ быстро и слѣдственно слишкомъ не надёжно. Скорый и рѣшительный успѣхъ обольстил мое самолюбіе. Къ тому-же у меня опияли, у меня вырвали изъ рукъ мою Лизу: между нами положили проспанство и время; ея любовь, или лучше сказать любовь дѣвушки была для меня необходима, какъ воздухъ: я задыхался отъ эшаго лишенія; я понуль — и ухватился за бришву. «

» Въ первый-же вечеръ послѣ того, совѣсь моя напомнила мнѣ о моей кляпвѣ, о слезахъ Лизы, обо всемъ, что такъ неприкосновенно и такъ дорого цѣнился сердцемъ честнаго

человѣка.... Я прибѣгнуль къ гибельному, увлекательному чародѣйству вымысловъ: я не хотѣль вспомнить въ то время, что мы, по своей слабости, можемъ только *любить*, но никакъ не можемъ *влюбляться* въ одну красочу души, безъ заманчивости оболочки, и что любовь, произходящая отъ уваженія, отъ оцѣнки достоинствъ, совѣтъ не то, что спрасъ, увлекающая насъ безусловно.... Я не обратилъ тогда вниманія на это различіе; вдался въ напряжной плапонизмъ, не существующій между мужчиною и женщиною внѣ освященныхъ узъ родства по крови; отъ двухъ пѣль, которыя на самомъ-то дѣлѣ и обворожили мое чувственное зрѣніе, я отдѣляль двѣ чиспья, свѣпья, крошкія души; слиль ихъ въ одинъ идеаль, спаль обожашъ его и по спранному

Одна и двѣ. Ч. IV.

своеволю, нарочно запѣнять любовь одной дѣвушки холодноспію другой, что-бы горечью препятспвій возвыспіть сладость ожидаемыхъ наслаждений... Обманувши себя такимъ образомъ, я весь опдался Рансъ.»

» Ты знаешь, что эпа добрая, эпа милая дѣвушка любила меня какъ коронкаго знакомаго, какъ человекъ близкаго къ ея опцу — и не болѣе, и что попомъ, когда Арскій овладѣлъ ея сердцемъ, она, замѣпя мои исканія, спала даже удаляться отъ меня, и эпо самое удаление увеличиваетъ теперь въ моихъ глазахъ ея достоинствво... Мнѣ кажется, что полюбивши одного, она почспала преспупленіемъ всякую ласку къ другому, тѣмъ болѣе, что эпо и въ самомъ дѣлѣ могло бытъ принято за исключитель-

ную привязанность, за рѣшипельное предпочтеніе передъ всѣми.»

» Конечно, шупъ еспъ черезчуріе оспорожности, но воспитпаніе извиняетъ ея, а знаніе моего погдашняго самолюбія и пресусприпельность опносительного переполкованій, копорья я могъ дѣлать въ свою пользу, приносятъ честь ея уму и сердцу.»

» Наконецъ шебъ извѣспно пакже и о клеветѣ Арскаго, копорая разорвала мои связи съ Бениными.»

» Согласіе Рансы на предложеніе Ивана Дмипріевича разрушило однимъ рѣшипельнымъ ударомъ мой воздушный замокъ; я увидѣлъ погда, что мечпательное соединіе *двухъ* въ одну, было одною непроспительною, нелпою придиркою измѣны къ Лизѣ, одною ничпожною уверпкою прошивъ

справедливыхъ угрызений совѣсти. Мнѣ было не прудно убѣдиться, что въ послѣднее время моего пребыванія въ Т..... я былъ влюбленъ исключительно только въ одну Раису и что Буклина была позабыта. «

» Положеніе мое было ужасно: я не надеялся и не могъ уже найтти въ одномъ мѣстѣ; въ другомъ я предвидѣлъ заслуженную мною поперю.... Къ счастью, въ первомъ случаѣ почти всегда утѣшаютъ насъ самый голосъ оскорбленнаго самолюбія: въ борьбѣ другаго обращаютъ нашу справу въ равнодушіе; мы какъ-будто хотимъ мѣштинъ за это своимъ припворнымъ спокойствіемъ и между тѣмъ на самомъ дѣлѣ привыкаемъ къ нему нечувствительнѣю: печаль исчезаетъ сама собою, не по усиліямъ, не по убѣжденіямъ разсудка, но по про-

тиводѣйствующей слабости сердца.... Во впоромъ случаѣ, поплѣ-же самый эгоизмъ готовитъ намъ неизчерпаемый запасъ надеждъ: мы раздѣчиваемъ неизвѣстность будущности по своему желанію; убѣждаемъ себя, что одно наше слово вымолишь намъ прощенье — и мы спокойны. «

» Однако-жъ, не смотря на эти спасительныя средства, мнѣ было чрезвычайно грустно опѣ бесполезнаго, мучительнаго раскаянія, что я не отвѣчалъ на письмо Лизы, полученное мною въ Тигирецкой долинѣ. «

— » Какъ!... Не уже-ли она писала къ тебѣ? «

— » Да, милая сестра!... И какъ еще писала!... Вотъ, на, возьми; прочти сама и оцѣни ея безпредѣльную привязанность. «

Тутъ онъ вынулъ изъ особеннаго сверточка знакомое намъ письмо Лизы и передалъ его Любинькѣ; ша прочла и сказала возвращая:

— » Не поспигаю, какъ могъ ты, съ пвоею пылкостью въ сердечныхъ связяхъ, не опвѣчая цѣлыми листами на каждую изъ эпѣхъ спрокъ?... Какая она, право, добрая и какъ любитъ себя! «

— » Мнѣ и самому было - бы эпо также непоняно, если-бы я не получилъ въ то время письма отъ Арскаго.... Оно испреблено съ другими ему подобными; но, къ несчастію, я помню очень хорошо, какъ эпошь человекъ умѣлъ обольстить меня тогда самыми ложными намѣками.... Лиза была далеко, Раиса — близко: я полетѣлъ въ Т....., — развязка тебѣ извѣсна. «

Вслѣдъ за тѣмъ Вольдемаръ началъ рассказывать, какъ онъ прѣхалъ въ Москву; какъ онъ встрѣтился тамъ и познакомился съ Варинькой Лажинной; какъ онъ узналъ отъ нее, гдѣ жила погда Буклина; какъ онъ ѣздилъ въ село Дубровинское; однимъ словомъ, онъ передалъ Любинькѣ все, что уже знаютъ отъ меня мои чппапели, и наконецъ дошелъ до того мѣста, когда кольнопреклоняся передъ образомъ, полученнымъ отъ опца, онъ услышалъ позади себя шорохъ и оглянувшись увидѣлъ Бѣльскаго, копорый подкрадывался къ нему на цыпочкахъ.

— » Ты не можешь себя представлять, мой добрый другъ, « говорилъ онъ, » весь ужасъ моего положенія въ эту рѣшительную минуту!... При-

ходъ прежняго товарища быть для меня гибельнѣ!... Я находился тогда на распутии двухъ, равно безконечныхъ дорогъ: вправо—*жить*, влѣво—*не жить*.... Судьба шептала надо мною эти два роковыя слова; но какъ *жить* и какъ *не жить*? — Вопль вопросъ, который было очень трудно рѣшить въ то время.»

» Духъ надійи, этотъ демонъ злобы, пересказывалъ мнѣ свою адскую мысль о самоубійствѣ. Онъ пвердилъ безиреспанно: спусти курокъ, только спусти курокъ и пы въ одно мгновеніе спрахнешь съ себя всё эти земныя бѣдствія.»

» Тяжело признавался мнѣ, какъ поспѣшно подавался я презрѣнной силѣ дьявольскаго совѣта... Все ближе и ближе подходилъ я къ дорогѣ влѣ-

во; вдругъ взоры мои нечаянно упали на образъ, который благословилъ меня бапюшка... Здѣсь, съ новымъ спыдомъ я долженъ сказать себѣ, что я снялъ его со спѣны и спать передъ нимъ молился, болѣе по какому-то чувству суевѣрія, нежели вѣры... За то попомъ... о!... какъ внезапно и какъ много внилося опкуда-то въ мою душу самыхъ кипящихъ чувствъ, самыхъ свѣплыхъ мыслей!... Дивный духъ хранипель расположалъ мнѣ вняпно, что *не жить*, значить *умереть смертію*.... Я содрогнулся всеми членами. Я самовольно хотѣлъ опспушнить назадъ, совѣмъ въ пропивную сторону — и, увидѣвъ Бѣльскаго, подамся впередъ.... Мнѣ показалось, что передо мною спонитъ какой-то чудовищный геній, который хочеть лишнить меня послѣ-

дней, ужасной опрады—*втымазо уни-
чтоженіл...*»

» Послѣ двухъ размаховъ маятника,
выспрѣль уже раздался.... я упалъ!»

Я воспоминаю даже то, о
чемъ не хотѣлъ-бы воспоминать,
и не могу позабыть того,
что желалъ-бы испребишь
изъ моей памяти.

Цицеронъ.

ГЛАВА LV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСПОВѢДІИ.

Чѣмъ слабѣе шло — тѣмъ
оно болѣе властвуетъ; чѣмъ
крѣпче — тѣмъ послушнѣе.

Ж. Ж. Руссо.

» Еще и по сіе время мнѣ спра-
шно воспоминашь по мгновеніе, въ ко-
шорое я опамяшовался. Тогда у меня

не доспавало способности постигнуть ни гдѣ я, ни что я.»

» Я былъ раздѣтъ.... Бинты окручивали мои бока.... На дворъ начинало свѣпаться, но свѣчи горѣли еще въ моей комнатѣ.... Подлѣ кровати сидѣлъ какой-то незнакомый мнѣ человѣкъ.... Это былъ докторъ, которъй спалъ говорилъ черезъ минушу, что бы я ни боялся послѣдствій, что пуля только проскользнула по ребрамъ и что такимъ образомъ рана моя ни сколько ни опасна.»

— » Главное, будьте покойны, « прибавилъ онъ.... » Мой поварищъ также неоспорожно размапривалъ заряженный пистолещъ, какъ и вы, и тоже ранилъ себя, только гораздо больше вашего; однако-жъ онъ, слава Богу, живъ и здоровъ.»

» Не смотря на свою слабость опть сильнаго изпеченія крови и на какое-то пнягоспное усыпленіе изнуренной души, я понялъ изъ этихъ словъ выдумку Бѣльскаго и поблагодарилъ его мысленно.»

» Но внупреннее мое разспройство было очень велико.... Не знаю опть чего вдругъ вообразилъ я, будпо преспупленіе мое опкрыло, и что не только всѣ живые люди, но и пть, которые жили давно, и пть, которые будутъ жить когда-нибудь—всѣ возспали противъ меня, пришли ко мнѣ толпами съ чепьрехъ споронъ и спрашивали меня въ одинъ голосъ съ угрозою:

» Какъ осмѣлится пы нарушить вѣковѣчный законъ еспества? «

»..... Злѣйшему врагу моему не желаю имѣть одной подобной минушы

въ цѣлой жизни!... Я обезпамятѣлъ снова.»

» Когда я пришелъ въ себя, мнѣ дали укрѣпляющихъ капель: эпопѣй приемъ освѣжилъ меня.... Черезъ полчаса докторъ ушелъ.»

» Оставшись со мною наединѣ, Бѣльскій спалъ представляя мнѣ свои опасенія, что-бы эпо несчастное происшествіе не сдѣлалось гласнымъ и не навлекло на насъ чего-нибудь дурнаго.... Безпокоясь также, какъ и онъ, я спросилъ его: что-же намъ дѣлать?»

— » Бѣхаль,« отвѣчалъ онъ, » бѣхаль какъ можно скорѣе!... Я послалъ уже нанять самую покойную карету до Нижняго-Новгорода.... Наши дѣловыя порученія исполнены: оспалась только мелочь, о которой можно списаться послѣ....»

— » А Вененовы?... А Лажинь?»

— » Выспрѣлъ, сдѣланный побоемъ, разбудилъ ихъ: я уже видѣлся съ ними и сказалъ по-же самое, что и доктору.»

» Я согласился на все пѣмъ охотно, что мнѣ самому хотѣлось бѣжать какъ можно дальше отъ того мѣста, на которомъ я совершилъ свое позорное пресупленіе; да и сверхъ того, даже и при удачѣ обмана, могли я смотрѣть прямыми глазами на cadaго, когда совѣсть мучила меня такъ жестоко?»

» Бѣльскій началъ укладываться.... Въ шесть часовъ утра меня снесли въ экипажъ и мы шагъ за шагомъ попались изъ Москвы.»

» Цѣлыхъ семь дней бѣхали мы до эпой спанціи и съ каждымъ днемъ я

спановилъ все слабѣе и слабѣе. Бѣльскій видѣлъ эпо и досадовалъ при-
мѣпно.... Наконецъ онъ сказалъ мнѣ
рѣшипельно, что мы должны раз-
спаться. Нечего было дѣлать: я поко-
рился необходимости. «

» Боже мой! какъ невыносимо-тя-
госпно казалось для меня сначала мое
одиочество! Болѣзнь души убивала
меня въ тысячу разъ сильнѣе, нежели
болѣзнь физическая.... Къ счастью, на
препій день моего здѣсь пребыванія,
какъ я уже и говорилъ эпо, явилась
добрая Соничка и, можетъ быть, изъ
людей только ей одной я обязанъ
своею жизнию.... «

» Жаль, что по особеннымъ причи-
намъ, я не могу рассказать тебѣ од-
ного непріятнаго случая, бывшаго ме-
жду мною и Соничкой во время моего
пребыванія въ Б.....; но довольно и

того, что бѣдняжка считала себя
очень виноватою передо-мною и все
по милости Бѣльскаго.... Мнѣ кажет-
ся, что она даже нѣсколько обрадо-
валась, нашедши возможность загла-
дить прошедшее. Все, что только въ
состояніи сдѣлать добрая женщина
для облегченія спраданій любимаго
ею мужчины, все это дѣлала она для
меня въ продолженіи почти цѣлыхъ
пяпн мѣсяцовъ.... Это былъ непре-
рывный рядъ самыхъ неупомимыхъ
спараній, заботъ самыхъ неуспѣшныхъ,
услугъ и угожденій самыхъ прога-
пельныхъ. «

» Не хочу думать, что-бъ я оши-
бался тогда, но мнѣ предспавилось,
будто она послана мнѣ самимъ Не-
бомъ, которое смягчилось опъ без-
припворности моего раскаянія.... Эпа
сладостная мысль возвратила жизнь

сердцу: я получилъ способность пла-
кать.... «

» Никогда не позабуду того блажен-
наго вечера, въ который я, распро-
спершись предъ иконою, молился безъ
словъ одними слезами.... но какими
слезами!... Въсплѣ съ каждой изъ нихъ
выливалось изъ души моей все груст-
ное, все что убивало меня до того
времени. Миръ духовный засвѣплѣлъ во
мнѣ: я обновился!... Съ тѣхъ поръ
одна только тихая грусть преняп-
сповала моему выздоровленію. «

» Я не ропсалъ и не ропшу; но
мнѣ жалко, очень жалко, что я по-
перялъ навсегда мою незамѣнимую
Лизу. «

» Такъ прошло около двухъ мѣся-
цовъ.... Однажды, вечеромъ, когда я
лежалъ на постелѣ, а Соничка сидѣла
подлѣ меня со своею работою, къ

намъ въ комнату взошелъ какой-то
молодой чедовѣкъ.... Вспаприваюсь и
узнаю, что это одинъ изъ коропкихъ
знакомыхъ Вененовой, съ которыми я
видѣлся нѣсколько разъ и также до-
вольно хорошо познакомился. «

» Я обрадовался ему, разцѣловать
его, посадить подлѣ себя и спалъ
осьпанъ вопросами. «

» Можешь вообразить себѣ мое уди-
вленіе, когда я услышалъ отъ него,
что Вененовы и Лажичны спяпаютъ
меня сумасшедшимъ отъ укушенія бѣ-
шеной собаки и думаютъ, что я хо-
плѣтъ заспрѣлился въ болѣзненномъ
припадкѣ. «

— » Признаюсь, « сказать онъ нако-
нецъ, « что я взошелъ къ вамъ не безъ
робости, не смопря на увѣренія спан-
ціоннаго смопрителя, что въ васъ
не замѣпно ничего подобнаго. «

— » Да кто-же ихъ-то увѣрилъ въ эпомъ? «

— » Вашъ товарищъ... Вскорѣ послѣ того, какъ сдѣланный вами выспрѣлъ вспереполюшилъ весь домъ, вспрѣпясь съ Лажиной, копорая въ испугъ выбѣжала въ залу, сосѣднюю съ вашей кварширой, онъ разсказалъ ей, какъ вы пришли окровавленные въ свою комнапу, какъ онъ долженъ былъ васъ связать и какъ потомъ, покуда онъ посылалъ за лѣкаремъ, вы успѣли освободить одну руку и схвативши со сполна писмолепть, выспрѣлили въ самихъ себя. «

» Я онѣмѣлъ, такъ поразили меня эти слова... Праведное Небо! во-скликнулъ я наконецъ, такъ вопль кто върылъ мнѣ яму! «

» Въ ту-же минупу я понялъ очень ясно все, что до того времени каза-

лось мнѣ непонятнымъ, по какому-по странному, дѣйствительному зашмѣнью ума, опъ тяжелаго душевнаго расстройства. «

» Тогда я уже не сомнѣвался болѣе, что только одинъ Василій Пепровичъ могъ написать письмо къ Аннѣ Ивановнѣ, попому что кромѣ его и Вариньки, ни кто не могъ знать о моемъ намѣреніи ѣхать въ Дубровинское, пѣтъ болѣе, что я и не имѣлъ его до разговора съ молодой Лажиной. «

» Тупь - же открылись мнѣ сами собою и побудительныя причины гнусныхъ поступковъ Бѣльскаго... Узнавши опъ меня, что я ни подь-какимъ видомъ не хочу выѣзжать изъ Москвы и боясь выговора моего бапюшки, что онъ не умѣлъ опвлечь меня опъ женипъбы въ такихъ молодыхъ лѣ-

пахъ, пропивъ чего всегда сильно восплавать нашъ покойный спарикъ, — онъ не придумалъ лучшаго средства опврапить эпо, какъ писать къ Буклиной и оклеветать меня.»

» Доспигнувши памъ своей цѣли, онъ увидѣлъ, что дѣло зашло гораздо дальше, нежели можно было предпола- гать, и попому рѣшился наговорить на меня Лажиной и Вененовой разна- го вздора, что-бы напугавши дамъ не- бывальымъ моимъ быщенспивомъ, опда- линь ихъ опъ меня и такимъ обра- зомъ опнять возможность всякаго объясненія.»

» Одно только оспавалось загадкою, какъ могла Буклина говорить своему сыну, что она получила дурное обо мнѣ увѣдомленіе опъ чловѣка давно ей извѣснаго?... Напрасно спарался я припоминать всѣ мелочныя об-

стояпельспва, доискиваясь пайные память измѣняла мнѣ пакже, какъ и друзья. Впрочемъ, послѣдствія дока- зали, что я не обманывался на счетъ главнаго виновника моихъ бѣдспвій... Въ пылу справедливаго негодованія, я передалъ мои догадки своему проѣзже- му госпю и эпопъ добрый молодой чловѣкъ сердился пуще моего, хопя ему и не было извѣспно, что заспа- вляло Бѣльскаго вооружаться пропивъ меня своею низкою клеветною и по- какимъ именно обстояпельспивамъ.... Онъ оспался у меня ночевать.... По- упру, поичасъ послѣ его оппѣзда, я спалъ писать къ Варварѣ Андреевиѣ; признался въ намѣренномъ самоубійсп- вѣ, опкрылъ причины, опкрылъ все, въ чемъ былъ увѣренъ, что предпола- галъ, говорилъ о своемъ раскаяніи и наконецъ просить, что-бы она и мамъ

ея не считали меня человекомъ погибшимъ. «

» Черезъ недѣлю я получилъ вопль эпопъ короенькѣй опвѣтъ.... Она льспишъ мнѣ, но пупъ дѣло не въ свѣпскихъ бездѣлицахъ.... Здѣсь важно совсѣмъ другое.... «

Эта образованная доброта, это великодушное участіе, эта безкорыстная, искреняя и благородная дружба.

Фильдингъ.

ГЛАВА LVІ.

КОНЕЦЪ ИСПОВѢДИ.

Сердце, которое умѣетъ любить, должно всѣмъ пожертвовать для любви; но сердце добродѣтельное должно пожертвовать и любовью для своего долга.

Флоріанъ.

» Милоспивый Государь

» Владиміръ Николаевичъ!

» Мапушка позволила мнѣ опвѣчать вамъ на ваше письмо и я исполняю

Одна и двѣ. Ч. IV.

это шѣмъ охотнѣе, что въ короткое время нашего знакомства вы успѣли приобрести отъ насъ общее дружеское расположеніе и особенное мое участіе по отношеніямъ вашимъ съ моею другою. «

» Мы по сіе время не можемъ опомниться отъ изумленія, какъ хитролицемѣричалъ вашъ поваричъ... Признаюсь, онъ мнѣ не нравился съ самаго начала, но только не нравился, а вѣдь потомъ онъ посягнулъ на злодѣйство... Я вздрагиваю при мысли, что, можетъ быть, встрѣчусь съ нимъ когда-нибудь: мнѣ, право, кажется, что онъ кусается. «

» Теперь я также, какъ и вы, увѣрена, что кроме господина Бѣльскаго не кому было повредить вамъ такъ жестоко... Можетъ быть препровождаетъ мое при семъ послѣднее письмо ко

мнѣ бѣдной Лизы послужить для васъ ключемъ къ совершенному узнанію пайны. Только пожалуйте не предавайтесь опчаянію чипая его: умѣйте и въ немъ найти утѣшеніе. «

» Очень сожалѣю, что не могу сообщить вамъ ничего пріятнаго... Лизы Буклиной уже не существуетъ на свѣтѣ: теперь есть Полковница Елизавета Егоровна Лыпова... Она вѣнчалась въ деревнѣ мужа, котораго взялъ чепырех-мѣсячный оппускъ и чуть-ли не выйдеть въ опспавку. «

» Я-бы не говорила вамъ объ ихъ свашпбѣ, если-бы не узнала изъ вашего письма, что вы безусловно покорились волѣ Провидѣнія и что надежные утѣшенія Вѣры укрѣпили вашу душу... Желаю, что-бы эти свѣтлыя посланники нашей общей, святой оп-

рады, никогда не оставляли васъ: съ ними будетъ легко всякое горе.... Не поскуйте и не печальтесь: поска и печаль не воропятъ потеряннаго.»

» Выздоровляйте скорѣе.... Мамина и Вененовы вамъ кланяются.»

— » Эпъ спроки обрадовали меня чрезвычайно, не смотря на то, что въ нихъ прочелъ я приговоръ моего вѣчнаго одиночества, утвержденный самымъ событiемъ.... По крайней мѣрѣ Лажины могли при случаѣ увѣрить Анну Ивановну, что я не дѣлалъ никакого безчестнаго поступка. Мои знакомые были убѣждены въ плутовствѣ Бѣльскаго.... Доброе имя мое воспанавливалось: я былъ доволенъ.»

— » Теперь.... теперь позволю мнѣ обратиться съ духомъ, что-бы прочесть тебѣ это письмо Лизы къ своей под-

ругъ.... Въ немъ вижу я послѣдній отблескъ того свѣтлаго счастья, которыми могъ-бы я наслаждаться.... Оно схоронено для меня невозвратно, и — суди о моемъ положенiи: эпъ грустная мысль о незамѣнимой потерѣ соспавляетъ теперь единственное земное благо, единственное сокровище моего сердца.... Я былъ любимъ, она меня не забудетъ, говорю я себѣ — и плачу; но эпотъ плачь не изнуряетъ меня.»

Здѣсь Вольдемаръ опетъ навернувшiяся слезы и началъ чипать:

» Милая Варинька!... милый другъ мой!... Мнѣ тяжело!... мнѣ очень тяжело!.... Я буду писать безъ связи, но пы меня не осудишь.... Я вышла замужъ.... Я теперь Полковница Лѣтцова.... А гдѣ — то онъ? «

» Боже мой!... Думала-ли я года съ три пому назадъ, что мнѣ придется пить такую горькую чашу спраданий?... Судьба наложила на меня самый тяжельй крестъ: я несу его безъ ропота, но молчашь... молчашь имья друга!... Нытъ! это выще силъ моихъ!... Я выскажу тебѣ все, разъ и навсегда... въ послѣдній разъ... Не уже-ли мнѣ опиятъ опъ себя и это минушное упѣщеніе?... Да! я выскажу все — и замолчу какъ могила... Пусть во мнѣ также, какъ и въ ней... Но нытъ!... Я не въ состояніи досказати эпаго... Какой-то ненасыпный червь и безъ того грызетъ мое сердце, мое бѣдное сердце, которое всѣмъ желало только одного добра.»

» Обрекши себя на жертву, я была совершенно спокойною въ день свадьбы, и желая упѣшнить мамушку, я да-

же съ какимъ — то непоняпнымъ душевнымъ удовольспвіемъ пошла къ алшарю.»

» Обрядъ начался... кончился... и вдругъ мужъ мой упалъ безъ чувспвъ... Съ тѣхъ поръ по настоящее время я почти не опхожу опъ его кровапи; однако-жъ, слава Богу, докнора сказали мнѣ рѣшипельно, что онъ въ всякой опасности.»

» И такъ несчастіе челоѣка самого близкаго и собспвенныя слезы вспрѣпили меня тамъ, гдѣ другія находятъ однѣ радости... Я молилась за мужа, за маминьку и за себя, плакала оспаваясь одна — и молчала.»

» Ты знаешь, что черезъ недѣлю постѣ моей свадьбы маминька ѣздила на нѣсколько дней къ вамъ въ Москву; но она, я думаю, скрыла опъ васъ одно происшествіе, которое было съ

нею во время ея коропкаго пребыва-
нiя въ Москвѣ.... Къ несчастiю я са-
ма узнала обо всемъ по одному осо-
бенному случаю. «

» Въ первый-же день по возвраще-
нiи ея въ деревню я сидѣла съ нею
въ кабинетѣ мужа, которъй спалъ въ
это время въ другой комнатѣ, и раз-
спрашивала о знакомыхъ.... Немного
погода маминька вышла, чпо-бы ра-
зобравъ свои покупки; я оспалась од-
на; мнѣ понадобился ключъ опть бю-
ро: ошупываю ридикюль, оспавленный
маминькою; слышу чпо ключъ тамъ;
опускаю шуда руку и вмѣстѣ съ клю-
чемъ вынимаю какое-то письмо. «

» Богъ свидѣтель, чпо я нисколько
не желала узнавать чужой тайны, а
пакъ, машинально, развернула сверну-
тую бумагу и уже хотѣла сложить
ее по прежнему, какъ вдругъ два сло-

ва: *Владимиръ Смоляновъ*, бросились
мнѣ въ глаза.... Я сперва вспыхнула,
попомъ поблѣднѣла и уже не могла
опвеспи своихъ глазъ опть этого ро-
коваго письма, не прочитавши его. «

» Вотъ оно слово въ слово. «

» Милоспивая Государыня

» Анна Ивановна!

» На дняхъ я узналъ, чпо вы жи-
пельница нашей Московской Губер-
нiи.... Очень радъ этому сблизенiю,
попому чпо теперь я буду имѣть
честъ познакомиться съ вами лич-
но.... Я кресповый братъ, однокор-
рѣшникъ и другъ вашего покойнаго
мужа.... Думаю, чпо вы вѣрно слыха-
ли опть него о Генералѣ Лидинѣ....
Желая доказать вамъ на первый разъ,

что моя привязанность къ спарому повариху сохранилась во мнѣ и теперь, я сѣйшу уведомить и предостеречь васъ по одному весьма важному обстоятельству.

Здѣсь есть какой-то Владиміръ Смоляновъ.... Мнѣ извѣстно случайно, что онъ влюбленъ въ вашу дочь и что она по неопытности отвѣчаетъ ему пѣть-же. Завтра онъ собирается ѣхать къ вамъ съ рѣшительными предложеніями; но я знаю также, что онъ обручился уже съ одною дѣвушкою въ Сибири, развратилъ ее и потомъ бѣжалъ опшуда обокравши родныхъ.... Опець его прислалъ за нимъ одного чиновника, который никакъ не можетъ справиться съ бѣглецомъ.

» Эпонтъ развратный молодой человекъ готовъ поклясться вамъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ: ваша

воля вѣришь ему или нѣтъ, а я со своей стороны исполнилъ свой долгъ.

» Честъ имѣю быть и проч.

А. Лидинъ.

» Я обомлѣла отъ ужаса.... Со мною не было сначала обморока, но я осталась неподвижною, точно въ томъ-же положеніи, въ какомъ и сидѣла: такъ заснула меня и возвратившаяся матушка.

» Увидѣвъ въ моихъ рукахъ раскрытое письмо, она опгадала причину моей неподвижности, бросилась ко мнѣ, вскрикнула, обняла меня и только могла сказать:

» Лизанька!... За чѣмъ ты чинала это письмо?

» Помню, что я слышала это восклицаніе, что опъ него сдѣлалось еще больнѣе у меня на сердце; но я все не двигалась; но я не могла говорить ни слова и какъ мершвая не опвѣчала на ея ласки.... Потомъ вдругъ все начало вертѣться.... вертѣться... падашь.... спучашь.... карнизы соскользнули по стѣнамъ на полъ.... пополокъ полетѣлъ на меня.... я обезпамятела! «

» Маминька!... Маминька!... « закричала я очнувшись.... » Не уже-ли это правда?... Скажите мнѣ ради Бога!... Маминька! скажите мнѣ всю правду! «

» Ужасная горесць придала мнѣ силы: я приподнялась, схватила ея руки, сжимала ихъ своими руками и продолжала умолять ее.... Наконецъ она рассказала мнѣ ужасныя вещи. «

» Наканунѣ своего опъѣзда изъ Москвы она была въ одномъ домѣ.... Тамъ подошелъ къ ней попъ самый Генераль Лидинъ, который былъ другомъ покойнаго бапюшки, рекомендовался, сълъ подлѣ и спалъ разговаривашь. «

» Когда рѣчь зашла обо мнѣ, маминька поблагодарила его за учаспіе, принятое имъ въ дѣлахъ нашего семейства.... Генераль сказалъ, что онъ не понимаетъ, за что его благодарять.... Начались объясненія; маминька показала извѣстное письмо, которое какъ нарочно было съ нею вмѣстѣ съ другими бумагами, — и онъ опрехся опъ него рѣшишельно, сказавши, что это самый безчеспный подлогъ и слѣдовашельно клевета. «

» И онъ былъ здѣсь? спросила я

когда маминька кончила.... И вы его не приняли? «

» Рыдая упала она на мою грудь и прошептала задыхаясь:

— » Проспи мнѣ!... Я не желала тебѣ зла. «

» Эпѣ слова пронули меня до глубины души: онѣ напомнили мнѣ мой долгъ и въ шу-же минушу я была у ногъ ея... я обнимала ея колѣна... я швердила ей:

» Маминька!... Милая маминька!... Не говорите мнѣ больше объ эпомѣ!... Я счастлива!... очень счастлива!... Я люблю васъ сильнѣе прежняго.... только успокойтесь!... Успокойтесь, если любите меня хоть немножко!... Я ужъ позабыла *объ немѣ!* «

» Она наклонилась ко мнѣ и обняла меня такъ крѣпко, какъ никогда еще не обнимала... Я спала употребляя

всѣ силы, что-бы показаться спокойною и Небо послало мнѣ такую швердоспѣ, что я не могу надившись себя по сіе время.... Эпо ободрило и маминьку.... Черезъ пять минутъ я уже хлопотала около бѣднаго больного своего мужа. «

» Вотъ, милая Варинька, вотъ какъ жестоко удручаютъ меня несчастія!... Для меня лучше всего, что я не умѣю припворспвованъ: всѣ замѣчаютъ мою печаль — и эпо мнѣ очень горесно. «

» Ахъ, милый другъ мой!... Онъ былъ здѣсь!... онъ любилъ меня всегда и вездѣ... а я за мужем!... Но развѣ я не писала къ *нему?*... И онъ чего-жъ онъ не отвѣчалъ мнѣ? Однако-же довольно *объ немѣ*.... Нѣтъ!... еще одно слово... одно послѣднее слово. «

» Скажи *ему*, если увидишь *его*, что я не виновата... что я желаю *ему* счастья... Довольно, милая Варинька, довольно!... Я не говорю *объ немъ* больше... Я позабуду *его* здесь: это моя обязанность; но память, память я *его* вспомню; память всё живуть вмѣстѣ; память не запрещають любить... Здесь буду молиться. «

» Наконецъ скажу себѣ нѣсколько словъ о моемъ спраннымъ положеніи... «

— » Здесь опорвано окончаніе, « сказалъ Вольдемаръ; » но и эпаго, милая сестра, слишкомъ довольно, что-бы понять Лизу, что-бы оцѣнить её... Какая примѣрная дочь! какое вѣрное и нѣжное сердце! какое уваженіе къ своему долгу! И все это Бѣльскій опиялъ у меня на-всегда нѣ-

сколькими почерками своего сапанинскаго пера! «

» Я вспомнилъ тогда, что мнѣ случилось говорить раза два или три Василью Пепровичу о Генералѣ Лидинѣ, о его отношеніяхъ къ семейству Буклиныхъ, и наконецъ о томъ, какъ часто Анна Ивановна упоминала *его* фамилію, рассказывая о молодости своего мужа... Пронюхавши какъ-то, что Лидинъ живеть въ Москвѣ, злодѣй чрезвычайно удачно воспользовался моею опкровенностію. «

» Не знаю, что было-бы со мною, когда я прочелъ письмо Лизы, если-бы послѣднія слова ея: *здесь буду молиться*, не показали мнѣ очень ясно, въ чемъ должно искать утѣшенія... Я уже зналъ незримую, таинственную дорогу въ эпу спрану Милосердія. Мнѣ было тяжело, но я могъ ды-

шасть и не задыхаться опять полнопы своихъ бѣдствій... Всѣ чувствва, всѣ мысли мои были проникнуты горестію; но во мнѣ не было никакихъ оспрыхъ болей: я даже зналъ сладость душевнаго спокойствія. «

» Вскорѣ послѣ того два швоихъ письма, одно за другимъ, увѣдомили меня сперва о смерти дядюшки, потомъ о смерти добраго нашего родителя... Съ твердостію вынесъ я сіи новыя удары, и съ той поры эта тихая, глубокая грусть, копорую пы во мнѣ замѣчаешь теперь, не оставляла меня ни на минуту.... Спвараюсь позабынь прошлое, я по крайней мѣрь не спрашусь будущности: я не могу ни найти, ни потерять многого. Да будетъ-же Его воля!.. «

» Пріѣздъ швой обрадовалъ меня.... Чувствую, что теперешняя моя ис-

повѣдь будетъ для меня спасительна... Богъ дастъ я поправлюсь скоро и тогда мы пуснимся въ Пепербургъ... Только я никакъ не хочу заѣзжать въ Москву.... Мнѣ кажется, что пашъ всѣ должны знать о моемъ преступленіи... Мы сдѣлаемъ объѣздъ... не правда-ли? «

Любинька хопя и не видѣла никакой нужды въ такой излишней предосторожности, но не желая огорчать напрасно больного, она не сказала ни слова.

Молчаливость есть украшеніе женщины.

С о ф о к л ь.

ГЛАВА LVII.

ПОКОРОНЫ.

Не уже-ли это ты, копорую я такъ долго оплакивалъ?... О безсмертные боги!... Если это сонъ, то пусть я умру при своемъ пробужденіи.

Флоріанъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этаго вечера услуги доброй Сонички были уже не нужны.... Раскаяніе и самоопровер-

женіе давно загладили ея прежній поступокъ, которъй чуть-чуть не привелъ ее къ гибели.

Теперь все было забыто.... И Вольдемаръ, и сеспра его, надали ей пропастъ разныхъ мелочей; она прощалась со слезами и не могла уперпѣль, что-бы не попросить еще разъ Смолянова о совершенномъ забвеніи прошедшаго. Крѣпкій поцѣлуй Любиньки успокоилъ ее, хопя и очень ошибочно, попому что Любинька все-таки не знала о чемъ шло дѣло.... Наконецъ дней черезъ пять послѣ отпѣзда Сонички, когда Вольдемаръ почувспивовалъ въ себѣ довольно силы для того, что-бы пуспипться въ большую дорогу, огромный и покойный возокъ былъ выдвинутъ изъ завозни. Начали укладываться....

Добрый спанціонный Смопритель

хлопнуть, суешился и помогал из всей мочи.... Привыкнувши къ своему посполъцу и полюбивши его, онъ на канунъ выѣзда Вольдемара приходилъ разъ десять въ его комнату и, щелкая прегромко въ свою павлинку, спрашивалъ у него всякій разъ одно и тоже и все одинаковымъ пономъ:

— » А что, сударь, не рано-ли вы собираетесь въ дорожку? «

— » Нѣтъ, Федоръ Сергѣевичъ, пора!... «

— » У-гу! пора!... а мнѣ такъ кажется, сударь, что рано!... «

Попомъ онъ обыкновенно оборачивался къ дверямъ, громогласно вынюхивать здоровенькую нанойку табаку, которая всегда была на-гопювъ между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки; попомъ обмешалъ носъ

плашкомъ, находящимся въ правой рукѣ; попомъ плевалъ въ уголь; попомъ уходилъ и кричалъ, чтобъ поворачивались; попомъ поворачивался самъ — и снова та-же испорія.

На другой день возокъ попался сперва по большой дорогѣ и попомъ въ спороу.... Нечего мнѣ рассказывать вамъ, какъ ѣхали наши пупники.... Медлищельное шеспвие ихъ очень сбывало на обозныя поѣздки нашихъ барынь и баринювъ, которые плешупся въ столицу, что-бы подышать и насладиться ея миопическимъ воздухомъ: вся разница въ томъ, что оспанавливаясь на ночлегахъ, ни Любинька, ни ея братъ не приказывали давать лошадямъ овса (попому что лошади были наемныя) и не говорили какому-нибудь оборванному лакею: » Смотри-же, Хамово поколѣние, не крадь.... « А

жалъ впрочемъ, потому что мысль-по вѣдь очень обширна. Воображеніе какъ разъ переносится ко временамъ давно-былымъ и видитъ всю припугу во языцѣхъ, осуществивиющуюся въ Дѣмкахъ, Филькахъ, или Сипепкахъ, которые отвѣчаютъ своимъ барынямъ: слушаю-съ! — и крадутъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ эпѣхъ поучительныхъ сценъ, которыя доказываютъ, что слово *слушаю-съ* вовсе не равносильно слову *исполню-съ*, Смоляповы подвигались по маленьку впередъ.

Въ одинъ день... и надобно сказать правду, что эпопѣй день былъ чуть-ли не лучшимъ въ цѣлую зиму: двѣнадцатъ градусовъ съ минусомъ по Реомюру, въ воздухѣ пишь и блескъ, на небѣ—гладь и свѣтъ; ни одного облач-

ка; красное солнышко воптъ пакъ и разсыпается, воптъ пакъ и обдаептъ лучами... Ну, да чего шуптъ полковаша долго? — Въ эпопѣй день зима бросила-паки въ глаза своей алмазной пыли....

Наслаждаяся припшностью хорошаго времени, мои путешественники, въехавши въ одно довольно большое село, оставили возокъ и пошли пѣшкомъ, что-бы аппешипше пообѣдать.

Широкая улица сплалась передъ ними какъ черная лента съ бѣлыми узорами... Эпо что-то печально; эпо навѣяло грусть на душу Поэма... А воптъ и вѣпки всегда зеленѣющаго ельника.

»Боже мой!« подумалъ Вольдемаръ, »для меня не набросали-бы и эпоаго упѣшительнаго символа: меня зарыли-бы проспо, какъ вещь ненужную

на землѣ, а не такъ какъ человѣка, копорого душа должна процвѣпать въ безконечности.»

Онъ задумался... Колокола зазвенѣли... Церковныя двери разпворились и унылая процессія попянулась ему на встрѣчу. Снявши свою шапку, онъ продолжалъ идти не всмаприваясь въ лица проходящихъ мимо его: ему не хотѣлось видѣть спраданаія людей близкихъ къ усопшему человѣку. Вдругъ пронзительный крикъ, въ копоромъ послышался ему какой-то знакомый голосъ, попрясъ всю его организацію; онъ взглянулъ въ ту сторону и увидѣлъ — Лизу!

Лицо эпой спрадалицы было бѣло какъ ея душа, одежды были черны какъ ея глубокая, едва выносимая печаль... Она висѣла безъ чувствъ въ объятіяхъ маперы; ослабшія руки ея

качались въ воздухѣ... Гробъ остано- вился... Все засуешилось... Народъ сполнился около своей молодой барыни... Въ безпамятствѣ убѣжалъ Вольдемаръ въ крестьянскую избу, копорая была подлѣ, и едва живой бросился на широкую лавку, приколоченную къ спѣнѣ.

Трудно выразить, что происходило въ его душѣ... Тогдашнихъ смущенныхъ чувствъ Поэпа не мзя было назвать ни скорбью, ни радосшью... ни испугомъ, ни воспоргомъ... ни безнадежно- стью, ни надеждою... Это была безыменная смѣсь всего: онъ плакалъ и улыбался, онъ восклицалъ: » я погибъ! « и вслѣдъ за тѣмъ говорилъ: » я оживаю! «... Добрая Любинька не знала, какъ и за что ей взяться.

— » Ради Бога! скажи мнѣ, браптъ, что съ побою сдѣлалось? «

— » Любинька!... Послушай меня, Любинька!... Эпо она! «

И Любинька поняла наконецъ о чемъ шло дѣло.... Черезъ четверть часа одинъ изъ дворовыхъ людей пришелъ просить его къ Аннѣ Ивановнѣ.

Тупь-по надобно было посмотришь на Вольдемара.... Бѣднякъ не зналъ, какъ ему спунить, что сказать, куда поворочиться.

— » Да точно-ли, брагнецъ, зовутъ меня? « закричалъ онъ наконецъ.

— » Точно, сударь, если вы Владиміръ Николаевичъ Смоляновъ. «

— » Ну хорошо, поди-же и скажи, что я приду сію минушу.... Э.... послушай! послушай!... Поспой!... Куда-же ты, мой другъ? «

— » Да я пошелъ, сударь, доложитъ

барынгъ, что вы изволите придти къ ней сію минушу. «

— » Нѣтъ, брагнецъ, не ходи!... Къ чему эпо?... Сеспра!... Какъ ты думаешь?... а? «

— » Ахъ, Боже мой! рѣшися на что-нибудь одно: или пошли его, или иди самъ. «

— » Ну, хорошо! хорошо!... Такъ ты, мой другъ, оспанься здѣсь, а я пойду. А знаешь-ли, Любинька, не сходишь-ли лучше тебѣ? «

Тогда Любинька, увидѣвъ, что опъ него не лзя будетъ дожидаться никакого полка, схватила его подъ руку и почти насильно вывела на улицу.

— » Сеспра!... Помилуй!... Куда ты тащишь меня? «

— » Тамъ ждетъ тебѣ она, а ты не можешь сдвинуться съ мѣста. «

Еще Любинька не успѣла и договоришь, а ужъ Вольдемаръ былъ далеко... Только однѣ пяпки выбрасывались и исчезали. Непоспѣжимо, откуда взялась такая удивительная прышь?... Черезъ двѣ минушны онъ покрывалъ поцѣлуями руки Анны Ивановны.

— »Успокойтесь, мой милый!... Успокойтесь!... Дочь моя зоветъ васъ, но она очень слаба... Вамъ надобно взойти попище,« говорила эша добрая мать — и черезъ нѣсколько секундъ Вольдемаръ споялъ уже на колынахъ подлѣ кровати своей миленькой Лизы.

Одною рукою оперлась она на подушки, другая... бѣлая... нѣжная... мягкая, обвивалась около счастливица... Уста ихъ слились... слезы смѣшались... Мать, споявшая подлѣ, соединила ихъ руки и плакала вмѣстѣ съ

ними... Сцена была безмолвна, но чувства, выпечатавныя на лицахъ, объясняли гораздо болѣе и понышнѣе, нежели могутъ объяснить слова.

Спустя немного, взошла Любинька... Вольдемаръ вспалъ и опререкомендовалъ ее Буклиной и Лыпровой.

Не зная всѣхъ отношеній и обстоятельствъ, человекъ новыи ни подѣ какимъ видомъ не опгадалъ-бы, что дѣйствующія лица эпои драммы сблизилась не больше какъ за полчаса... Вольдемаръ не свапавшись и не получая явнаго согласія, называлъ Буклину *машинькой*, и на *ты*, которое говорила ему Лыпрова, опвѣчалъ такимъ-же точно *ты*... Любинька и Лиза вдругъ опъ чего-то сдѣлались *сестрицами*... Впрочемъ ну-тъ-ли разговоръ и что онъ зна-

чить память, где судьба окончила свою практическую лекцию испытаний; где съ каждого сердца свалился грузъ поски и печалей; где все сказано событиями; где все понято сердцемъ?... Я думаю, что эти послѣднія вещи будутъ гораздо по важнѣе обыкновенныхъ свѣтскихъ обычаевъ!

Какъ-бы то ни было, только часа черезъ полтора всѣ они сидѣли за столомъ какъ близкіе родственники и (нечего зашираться) не смотря на мрачныя плащья, у нихъ было свѣтло на душѣ.

Бѣдному возку Смоляновыхъ вѣрно не написано на роду разгуливать по бѣлому свѣту: послѣ обѣда его впащили опять въ завозню.

Вѣдь иногда если что начнешь ужъ кленгся, если посыплется счастье, такъ только успѣвай подспавлять

карманы... Напримѣръ Вольдемаръ узналъ шупь-же и очень кстапи, что погда былъ день почтовый; онъ присѣлъ и махнулъ къ Буклину по Суворовски.

» Василій!

» Я у васъ въ домѣ.... Садись въ повозку — и капай.... Ура!... Пони-маешь-ли? «

Конечно эпо немножко темновато для другаго, но молодой другъ Поэпа парень пресмѣливый: черезъ двѣ недѣли онъ такъ прижалъ къ своей груди будущаго зяпца, что, какъ говорится, небу спало жарко.

Или опять и эпо что-нибудь да не спроспа.

Разъ какъ-то вечеромъ сидитъ мой Поэпъ со своею ненаглядной Лизань-

кой и разговариваетъ о пяпомъ и де-сяпомъ. Ну, разумѣется, что при эпомъ не обходилось безъ разныхъ разноспей, которыя при всей своей невинности такъ хороши въ психомолку и особенно въ попёмочкахъ.... Вдругъ счастливецъ вспомнилъ о письмѣ Лизы къ Варинькѣ, побѣжалъ за нимъ, принесъ его и, показывая своей невѣспѣ, спросилъ у нее:

— » Расскажи мнѣ, мой другъ, въ какомъ эпю *странномъ положеніи* находилась ты послѣ своего замужства за бѣднаго больнаго Полковника?... Проказница Лажина опорвала окончаніе. «

Лиза попушила глаза, порозовѣла и не опвѣчала ни слова.... Эпю подо-жгло Поэпа: онъ спалъ наспанвапъ, умоляпъ и наконецъ довелъ Лѣтрову

до того, что она обняла его и прошептала ему что-то на ухо....

Какъ жаль, что меня не случилось съ ними въ то время, а по-бы я непременно подслушалъ эпюпъ шопопъ и пересказалъ его моимъ чипапелямъ... Однако-жъ мнѣ извѣспно, что Вольдемаръ, выслушавъ ея опвѣпъ, воскликнулъ опривиспо:

— » Не ужли? «

Что попомъ, на эпю восклицаніе, Лиза кивнула утвердительно головою и что наконецъ Смолянѡвъ всплеснулъ опъ радости руками и запѣлъ во все горло:

» Громъ победы раздавайся!
» Веселися храбрый Россъ.... «

Тупъ онъ оспановился, потому что на прешпей спрочкѣ вѣчно фальшилъ

и не могъ допрыгнуть до припѣва, а другихъ пѣсенъ онъ не зналъ.

Воля ваша, господа, а эпитетъ порывъ воспорга родился въ немъ конечно ужъ не безъ достаточнаго основанія, какъ говаривалъ покойный докторъ Панглось, скромной памяни.

У Буклиной были въ Пешербургѣ родные и множество коропкихъ знакомыхъ: всѣ они давно уже звали ея шуда, и потому въ общемъ совѣтъ положено было: по испеченіи шеспи недѣль скинуть шрауръ, попомъ опправиться на берега Невы и тамъ, передъ Масляницей, веселымъ пиркомъ да и за свапбку.

— »Боже мой!... На что-жъ похожа такая поспѣшность!... Успѣла-бы еще мапушка Елизавета Егоровна на-веселиться со своимъ новымъ муженькомъ!« восклицаютъ хоромъ семнад-

цать старушекъ, переспавая раскладывать гран'пасьянсъ.—»Сдѣлайте милость, пощадите молодыхъ, милоспивья государьши!... Вы, кажется, могли догадаться, что Полковникъ Лыпровъ былъ мужемъ Лизы полько.... что Лиза была женою Лыпрова полько.... Ну, барыни! сбили вы меня со-всѣмъ съ полку.... Судите-же себя какъ хопише, а свапбѣ все таки положено быть передъ Масляницей.«

РАЗГОВОРЪ.

Сынъ. Когда насъ обвинчаютъ, лобезный батюшка?

Отецъ. Сю минушу.

Сынъ. И прекрасно!

Изъ новаго АБЕЛЯРДА.

ГЛАВА LVIII.

=

П И Р Ъ.

Пойте друзья!... Осушайте
въ круговую праздничный ку-
бок!... Пусть мои чертоги
огласятся шумными порывами
вашей радости.

О с с т а в ъ.

Пять небольших, но миленькихъ
комнатъ, нанятыхъ на Липейной, бы-
ли освещены... Еще съ улицы вид-

нѣло, что памъ еспѣ госпи, хопѣ и
не очень много.... Впрочемъ намъ не-
чего глазѣть подѣ окнами: я званѣ, и
къ пому-же мало-мало сродни хозяи-
ну эпой освѣщенной кварпирѣ, я мо-
гу ввеспѣ васѣ плуда безѣ церемонѣ
по своей гусарской совѣспѣ.

— » Однако - жѣ, господинѣ Про-
левѣ?... «

— » Ничего! ничего!... Чпо за сче-
пы между прѣятелями?... Тупѣ все
спарые наши знакомые... Напримѣрѣ,
самѣ жилецѣ—Владимѣрѣ Николаевичѣ
Смолянонѣ; его теперѣ нѣпѣ дома:
онѣ въ церкви, вмѣспѣ съ Елизаве-
пой Егоровной Лѣпровой; да чпо-жѣ
за нужда?... Насѣ применѣ Анна Ива-
новна Буклина, или Любинька, или на-
конецѣ моя жена, попому чпо и она
здѣсь, какѣ у себя.... «

Тупѣ вы увидипѣ Елизавету Але-

ксеевну Хвороспову, и спарушку Зорову, и мадамъ Глюкманъ, Софью Пепровну Лажину, копорая около новаго года возвратилась изъ Москвы, окончивъ памъ свои дѣла, и милочку Вариньку, обрадованную безъ памяти, чпо ея добрая Лиза выходитъ замужъ за челоуѣка любимаго.... Если вы холосты, милоспивые государи, пакъ вы можете пожалуй и приволкнутья за молоденькой Лажиной, только не ручаюсь за успѣхъ, попому чпо она посмаприваетъ чпо - по на эпаго Арпиллериспа съ Анненскимъ креспиномъ и съ подвязанной рукой, а эптоу Арпиллериспъ посмаприваетъ чпо-по на нее.... Впрочемъ, почему знатъ, чего не знатъ? Можеть бытъ они проспо вклепываются другъ въ друга.

Тутъ вы увидите еще около деся-

ти дамъ и челоуѣкъ пинадцать мушцинь. Все эпто весело, песпро, разговорчиво и шумно: все дожидаетя молодыхъ и поздняго обѣда. Нѣсколькочпочепныхъ пожилыхъ людей забрались въ маленькую боковую комнапку, гдѣ спюали водка и закуска.... Глюкманъ предѣдапельспвоваъ между эпими оппшельниками.

Познакомившись съ однимъ спаричкомъ и овладѣвъ имъ совершенно, онъ говорилъ ему, допивая чупъ-ли не пияпую рюмку гуспаго Рижскаго балъзама:

— » Самая-па полезная - па наука для нашей брапьи - па, копорая - по жила-па на свѣпъ, еспъ — *Героколия*-па.... Тутъ главное дѣлѣ, « прибавилъ онъ, опрѣзывая себѣ огромнѣйшій кусокъ жирной жареной сосиски, » зоспошпъ въ помъ, шпо-

бы бытъ-та какъ можно-та воздержнѣе въ пицѣ и пипи. (Сосиска исчезла, онъ продолжалъ): На свѣтъ-та есть очень много зоблазнительнаго-та.... Зин Weispiel: эпошъ окорокъ-та, котораго я опрѣжу сейчасъ маленькій кусочникъ... Это самая-та тяжѣлая пища.... Захрани васъ Богъ!... А еше-ли - та и будете кушать, такъ санивайле-та одинъ глапкомъ спарый Иоаннесбергеръ.»

Зная свой глапокъ, онъ налил полспакана и махнулъ вдругъ.... Такимъ образомъ Глюкманъ теорію развивалъ Герокомин и подкрѣплялъ себя пракпикой; впрочемъ, не по-ли самое случается почти на всѣхъ кафедрахъ? Говорить очень легко, особливо когда намъ ни кпо не мѣшаешь; но дѣлать — это большая разница!

Прочіе госпи занимались кпо во

чпо гораздъ.... Вдругъ экипажи прогремѣли у подъезда, всѣ спихли, двери опворились — и два шафера, Бу克林ъ и Василій Мониповичъ, также Поэштъ, однокосникъ и другъ Вольдемара—ввели молодыхъ.

Начались поздравленія: цѣловались, шаркали, кланялись и присѣдали. Суманоха была спрашная. Наконецъ съли за споль; отобѣдали; начали провозглашать здоровье: бокалы звякали, пуспѣли, напоялись и снова звякали, и снова пуспѣли.... Пиръ пошелъ горой; принужденность — пошла подъ гору; веселье — пошло инсапъ.

Вѣдь либо дорого смопрѣтъ, если люди-то не бѣснуются отъ злобы; если дружеское согласіе соединяетъ ихъ; если они отъ души радуются чужому счастью!... Какъ бытъ: иног-

да и шупть еспь излишекъ; но развъ и на спаруху не бываепть прорухи?

Въ десяпомъ часу пачали подавапть чай; въ половинѣ одинадцатаго не оспавалось почти ни кого; въ при чепверпши—исчезла Лиза; въ одинадцатп Вольдемаръ пробирается пемнымъ корридоромъ въ дальнюю комнату.... вдругь.... ну, какъ вы думаете, чпо съ нимъ случилось вдругь?

Вдругъ чья-по сильная рука.... схватила его руку; Поэпть вздрогнулъ и оспановился.

— »Вы-ли это, любезный Владимиръ Николаевичъ?« спросилъ невидимый.

— »Ахъ, Боже мой!... Это вы, почпеннѣйшій Иванъ Федоровичъ?

— »Да, мой добрый молодой другъ, это я: вашъ прежній докторъ, ко-

порый по своей опытноспи въ физиономическихкихъ наблюденіяхъ, предосперегалъ васъ своимъ письмомъ опть связи съ двумя прежними вашими поварищами.... Вы не послушались дружбы и наказаны судьбой. Хорошо еще, чпо все кончилось пакъ счастливо, но это рѣдкость, рѣдкость, сударь, копорую не надобно брапть въ примѣрь.... Увѣренъ, чпо вы воспользуетесь этимъ урокомъ.«

— »Безъ всякаго сомнѣнія!... и особенно если вы будете пакъ добры, чпо-бы одолажалъ меня вашими совѣтами.«

— »По чему - жъ и не пакъ, Владимиръ Николаевичъ?... По чему-жъ и не пакъ?... Я васъ люблю душевно.... Обнимите-ка меня.... поцѣлуйте меня.... не шуда! не шуда!... вошь мои губы.... Ну! попали наконецъ!... Смо-

припе-же, чуръ держапъ свое объ-
щаніе. «

— » Даю вамъ чеспное слово. «

— » А воппъ мы увидимъ эпо!... Ис-
пыпаніе начнелса пеперь-же. «

— » Ахъ, Иванъ Оедоровичь!... Я,
право, боюсь, что-бы мое продолжи-
тельное описуспіе не напугало моей
жены. «

— » Не бойпесь! у насъ все кон-
чипса въ два мига... Помнипелн,
что я вамъ говорилъ о знаменипой
Мегаланпропогенези знаменитаго Ро-
берта Младшаго, по еспъ о прапкпа-
ци, какимъ образомъ раждаптъ вели-
кихъ людей. «

— » Очень хорошо помню и по-
спараюсь... «

— » Не пороппесь!... не поропи-
песь, мой любезнѣйшій!... Воппъ вамъ

пепрадопка: въ ней всего-по-навсе
семь лисповъ; эпо, сударь, експрак-
пепцъ, копорый я сдѣлалъ для васъ
нарочно, изъ всѣхъ ученыхъ писапел-
лей объ эпомъ важномъ предметѣ...
Тупъ вы найдете много и моихъ
собспивенныхъ замѣчаній: ихъ можно
узнапъ по звѣздочкамъ, копорыя я
выспавлялъ на полѣ, проптивъ нача-
ла, періодовъ... Прочпипе эпо пеперь-
же вмѣстѣ съ Елизаветпой Егоровной...
Часть или полпора времени еце не
ахпн мнѣ, а памъ... Имѣпте только
въ виду, что оппъ пнакой бездѣлицы
можептъ прославипсья цѣльпй вашъ
родъ... Эпо, сударь, вовсе не шупка...
До свиданія-же! «

— » Прощапте, почпеннѣйшій Иванъ
Оедоровичь... Покорно благодарю васъ
за участіе. «

— » Помилуйте, мой другъ... не споните благодарности... Прощайте! «

Они распались.

Не могу вамъ сказать ничего о помѣ, было-ли въ помѣ вечеръ какое нибудь чипеніе или нѣтъ, потому что спальня супруговъ въ иное время есть такое свящипище, куда не должно проникать самое дерзкое любопытство, какъ и вообще во всякія семейственные тайны.

Ночь успокоила шумный Пепербургъ... Мало-ли въ немъ гдѣ и что дѣлалось: не всякая сказка до конца договаривается... Но вонъ день, господи... и... какъ жаль! я не могу поздравить васъ съ добрымъ утромъ. Человѣкъ *пред*—полагаетъ, Богъ *раз*—полагаетъ. На словахъ разница поль-

ко въ одномъ слогѣ, а за то иногда на дѣлѣ какая ужасная разница!

Послушайте только и скажите мнѣ: кто изъ васъ ожидаетъ подобной развязки?... А вѣдь не правда-ли, что...

Счастье молодыхъ любовниковъ казалось вѣрнымъ.

Пинго-Дегрениѣ.

ГЛАВА ЛІХ.

УЖАСНОЕ УТРО.

Твоя кровь кипитъ, пшон
уста пѣнятся.

Ювеналъ.

Часу въ одиннадцатомъ утра пріѣхали Буклины, чпо-бы завпракапъ вмѣспѣ съ молодыми, такъ какъ эпо было условлено наканунѣ.

— » Давно-ли вспали дѣпти? « спросила Анна Ивановна увидѣвъ горничную.

— » Господа изволятъ еще почи-
вать, сударыня! « отвѣчала молодень-
кая дѣвушка, прислужница Лизы, и
покрасѣла съ непривычки говорить
вдругъ о двухъ.

— » Какъ! спать по сію пору?...
Экіе лѣнивцы!... Дай-ка мнѣ холодной
воды, вопъ я подыму ихъ. «

— » Э! маминька!... Полноте! не
проньте ихъ! Бѣдняжки вѣдь замучи-
лись.... Шупка-ли? Вчера цѣлый день
на ногахъ съ самаго ранняго утра и
до поздней ночи.... Я и самъ, право,
не выспался. «

— » Ну, такъ и быть!... Подожду
съ полчаса, а памъ прощу не про-
гнѣваться. «

— » Не бойтеся, маминька! Они не заспавялп насть ждапть себя очень долго.... Да вопть послушайте-ка!... Мнѣ кажется, что Вольдемаръ хохочепть.... Точно!... Только какой-же у него силый голосъ.... Экъ онъ проспудился! «

— » Нѣпть, Вася! я ничего не слышу; это тебѣ такъ показалось. «

— » Помилуйте! какъ показалось? Я слышалъ собственными ушами. «

— » Ну, можетъ быть!... Сиди-же тутъ и караулъ ихъ, а я пойду похлопочу объ обѣдѣ, что-бы на радостяхъ не привелось говѣпть. «

Спарушка ушла хозяйничать; Бу-клинь улегся на диванъ и спалъ дремать.

Во снѣ и въ занятіяхъ время идетъ чрезвычайно быстро.... Пробыло—четверть двѣнадцатаго — явился Зо-

ровъ, а спальня молодыхъ все была заперта по прежнему.... Наконецъ Анна Ивановна вышла изъ пертвняя Она подошла къ запертымъ дверямъ и сказала пригнувшись къ замочной щелочкѣ:

— » Владмиръ!... Лиза!... Господа! Пора вставать!... Побойтеся Бога! Скоро полдень!... Что скажутъ добрые люди. «

Отвѣта не было.

— » Можно-ли спать до такой степени безпробудно! « продолжала она обращаясь къ Зорову, копорый сполтъ черезъ комнату у другихъ дверей.

— » Чупь-ли, Анна Ивановна, не я всему виновать, « отвѣчалъ онъ.

— » Это какимъ образомъ? «

— » А вопть изволипе виднпть.... Вчера мы всѣ и безъ того разошлись очень поздно; мнѣ-же пришло въ го-

лову, по любви къ вашимъ дѣтямъ, дасть Владиміру Николаевичу одну небольшую пепрадочку, эпакъ листи-ковъ въ семь, и попросить его, чпо-бы онъ прочелъ ее всю вмѣстѣ съ Елизаветой Егоровной... Ну.... и надобно-таки сказаць вамъ правду: по-черкъ довольно уписистой, — спрочекъ по пятидесяти на страничкѣ, такъ чпеніе-шо и заглянулось часу до шрепьяго, до чепверстаго.... Однако-жь, знаете-ли чпо? вѣдь я радъ, чпо они не вспаюптъ долго.... Это непременно доказываесть, чпо вашъ зяпъ воспользовался моимъ совѣпомъ: за шо ужъ посмотрипте только, какъ онъ будесть мнѣ благодарень.... Да и вы, сударыня, поклонитесь мнѣ шо-же не одинъ разъ. «

— » Но чпо-жь эшо за пепрад-ка? «

— » Такъ-съ.... Кое-какія замѣчанья... Только чпо за послѣдствія! Вы и не надивипесь и не нарадуетесь, моя почтеннѣйшая кумушка. «

— » Однако-жь, покуда мы дождемся эпѣхъ счастливыхъ послѣдствій, а дѣшей надобно-же разбудить. Не правдали-ли? «

— » Есть потъ грѣхъ.... Заспались! «

— » Я гововъ прозакладываць свою голову, « закричалъ Буклинъ подходя къ маперы, » чпо они не спяптъ! Сію секунду мнѣ послышалось ояпѣ, чпо Вольдемаръ надрываесть опѣ хохота.... Полно, полно, брапѣ, удержи-ваться! « прибавилъ онъ возвышая го-лось: »меня не проведешь.... Вошь посмотрипте, маминька, если они давнымъ — давно не одѣпы.... только

такъ... не хопяпъ выходишь... совѣсно! «

— » Точно! я и сама слышала, что кпо-по изъ нихъ засмѣяся. Да опворише, господа!... Послушай!... Володя!... Въдь не ровно приѣдетъ кпо-нибудъ: право не ловко, мой другъ!... У васъ комнапъ мало: надобно убрать и эту спальню.... Ты-же просилъ многихъ обѣдать.... Сегодня не по, что вчера.... часа черезъ два и съѣдущся.... А?... Что ты говоришь? «

— » Ха-а-а-а-а-ах! «

Раздалось изъ спальни какимъ-то дикимъ, грубымъ, едва человѣческимъ голосомъ.... Невѣдомый, невольный ужась объялъ Буклину, ея сына и Зорова; послѣдняго какъ будто чья-по сильная рука толкнула впередъ: онъ очутился вдругъ подлѣ самой спальни... Василій вскочилъ съ кресель,

побѣднѣлъ и едва переводилъ дыханіе.... У маперы опустились руки.... Всѣ-прое молча посмаптривали другъ на друга.... По всему было видно, что самая спранныя мысль блеснула въ ихъ умахъ....

Съ полминуты они не могли опомниться.... Сердца ихъ только дрожали, а не бились.... Напослѣдокъ Буклина снова нагнулась къ замочной скважнѣ, приподняла язычекъ, которымъ закрывается вырѣзка для ключа, взглянула въ спальню—и не выговоривъ ни одного полуслова, она упала на полъ безъ малѣйшаго признака жизни.

Зоровъ обхватилъ ее и понесъ къ дивану, а молодой Буклинъ, не зная самъ что онъ дѣлаетъ, какъ бѣшеный ударилъ ногою въ дверь; она разлетѣлась: картина открылась передъ

нимъ — и онъ окоспелъ всѣми членами.

Передъ нимъ лежала на полу его милая сеспра, копорую онъ любилъ почти до безумія... Она была изрѣзана ножомъ и искутана зубами... Развороченныя ребры лѣваго бока, въ половину сломанныя, въ половину приподнятыя, порчали въ разныхъ направленіяхъ, обагреныя кровью.... Открытая внутренность еще не пепала... Подлѣ несчастной сидѣлъ на полу Вольдемаръ и изрѣдка погружалъ ножикъ въ свѣжія мѣспа... Пѣна била у его рта... Онъ взглянулъ на вбѣжавшаго друга своего и снова захохоталъ своимъ дикимъ хохотомъ....

Первая мысль Буклина была та, что Смоляновъ укушенъ пропедшаго года точно бѣшеною собакою, впомятая... но прежде нежели можно ус-

пыть пересказать впорую мысль, онъ уже исполнилъ ее... Вырвавши ножикъ у своего зяпца, онъ однимъ размахомъ перерѣзалъ ему горло, потомъ вопикнулъ неупомимое желѣзо въ свое сердце, спрашно повернулъ между ребрами, потомъ упалъ подлѣ своей сеспры и судорожно прижалъ ее къ себѣ.... Глаза его спрашно закатились.... онъ окрѣпъ.

Часа черезъ три съ половиною, при гроба спояли на помъ самомъ спотѣ, за копорымъ только вчера пировали веселыя собесѣдники.

Свѣтъ есть складочное мѣсто различныхъ орудій, копорыми человекъ владѣетъ.

Баронъ Бюйрлейгъ.

ГЛАВА LX.

и последняя.

ВСЕМЪ СЕСТРАМЪ ПО СЕРГАМЪ.

Оставьте эти черныя одежды и отрийте ваши слезы.

ГЕРВІЙ.

— »И не уже-ли это ужасное происшествіе случилось въ самомъ дѣлѣ? « спрашиваете вы меня.... Да, ми-

лоспивья государыни, въ самомъ дѣлѣ, только надобно вамъ сказать правду, что оно случилось вовсе не съ молодыми Смоляновыми, и я рассказалъ объ немъ для того, что-бы только поугапать васъ.

Вспомнивъ случайно вышесказанныя слова Министра Королевы Елизаветы и взглянувъ на свое перо, я сказалъ самому себѣ: почему-жь мнѣ не позволено владѣть этимъ орудіемъ по своей волѣ?... Возраженій не было—и я написалъ *Ужасное Утро*.

— » Но, Господинъ Пролевъ, успокойте насъ совершенно.... Мы живемъ въ свѣтѣ... съ людьми... вспрѣлпипься очень не прудно, и предоспорожностъ никогда не вредипь.... Скажите пожалуйста опкровенно, точно-ли вы пощупили на счетъ бѣшенства Смолянова? «

— » Точно, мои прелестныя. «

— » И въ немъ рѣшительно не замѣтно никакихъ признаковъ водобоязни? «

— » О!... будете покойны!... Онъ выдерживаетъ эпикетные объѣды и ласковость бульварныхъ друзей.... Теперь позволяете мнѣ досказать оспальное, соблюдая спрочую истину. «

Смоляновы встали, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ, часовъ въ восемь; вспрѣтили свою мать и брата у самага крыльца; весело, радостно приняли благословеніе доброй Анны Ивановны.... Поэтъ былъ весь—воспоргъ.... Лиза была вся—наслажденіе.... А что за свѣжестъ?... Заглядѣнье — да и полько!... Ну, ей! ей! ни дашь, ни взять, хорошенькій, душистый, пышный цвѣточикъ, вспрыснутый дождичкомъ.

Въ четверть двѣнадцатаго почно прѣхалъ и Зоровъ, однако-же совѣтъ не для того, что-бы видѣть ужасную картину (копорую я набросалъ нарочно въ концѣ предыдущей главы), а за тѣмъ, что-бы разспросить у Вольдемара, покуда еще не соберутся званые гости, прочелъ-ли онъ его шепрадку или нѣтъ.

Ровно въ три часа по полудни съ одного конца стола, гдѣ сидѣло нѣсколько мушинъ, въ то самое время, когда испорія подходила къ полному развалу, Василій закричалъ Вольдемару:

— » Да что это, брапецъ, за лафистъ?... Что за шамберпенъ?... Велика подавать на чистопу! «

— » Шампанскаго! « провозгласилъ Поэтъ.

Пробки запукали.... Чара пошла кругомъ.... Осушивъ до капли впорую

серебряную спону, въ которую вмѣщалась цѣлая бутылка, Глюкманъ сказалъ сидящему подле него Зорову:

— » Шаль-па, шпо я не могу пипь-па польше двухъ эпакихъ рюмокъ шампанской... Я до пакой-па степени привязанъ къ эпопъ любезнѣйшій молодой шеловѣкъ, чпо гоповъ-па напивапсья пьянъ. «

Между тѣмъ Буклинъ поднесъ ему претью серебряную рюмочку.

— » Не могу - па!... Право - па не могу. «

— » Э, да полнопе!... Какъ вамъ не грѣхъ? «

— » Пошалуста не могу-па. «

— » Чпо эпо значипь, Карль Кармовичъ? Вы не хопипе пипь за мое здоровье? « сказала ему молодая хозяйка, увидѣвъ, чпо онъ оппѣкивается.

— » Помилойпе, зудариня!... Ужъ развѣ-па ппя фась.... Видна-па песь Троицсы и домъ - па не спроипсья-па. «

Нѣчего мнѣ рассказывать вамъ, чпо веселый пиръ и танцы зашли далеко за полночь; чпо на другой день начались визипь; чпо черезъ недѣлю молодые задали еще одинъ балъ для всѣхъ коропкихъ знакомыхъ и чпо потомъ они спали жипь да поживапсь... Все эпо въ порядкѣ вещей, и пупть не можепь быпь для васъ ничего особенно инпереснаго... Но сказапъ нѣсколько словъ о другихъ: эпо дѣло другое!... Да и какъ-же иначе?... Въ последней главѣ обыкновенно раздается всѣмъ сеспрамъ по серьгамъ... Порокъ наказывается, добродѣтель награждается. Жаль, чпо у меня случипсья пакъ, какъ почпи случаетсья и

на самомъ дѣлѣ, то есть что бездѣльники будутъ продолжатъ бездѣльничать, а люди честные поджидатъ, когда-то наспушишь праздникъ и на ихъ улицѣ.

Напримѣръ Никипа Петровичъ Хворостовъ по прежнему дѣлаетъ пихомолкомъ добро, и по прежнему не имѣетъ за душою ни гроша. У него собираются иногда старые друзья поиграть въ вистикъ и попомъ, по старому-же, во время сыпнаго ужина оспрякъ Порѣчный всегда раземѣшишь чѣмъ-нибудь всю честную ассамблею.

Добрый Генераль Путовъ.... Нытъ! я не скажу вамъ объ немъ ни слова, попому что онъ несчастливъ.

Спарикъ Сурдинскій располстѣлъ еще болѣе и досмѣиваетъ свою жирную жизнь.... Вспрыпивъ гдѣ - то Вольдемара, онъ закричалъ во все горло:

— » Х-ха-ха-ха! Бапюшка Владиміръ Николаевичъ!... Вы-ли эпо, мой почпеннѣйшій!... Да эпо, сударь, почно вы, х-ха-ха-ха!... Пріѣзжайте-ка за-впра, мой кормилецъ, на прюфели... Знапная штука, мой родимый! Х-ха-ха-ха!... Право ну такъ, любезнѣйшій!... Пріѣзжайте! пріѣзжайте!... Я радъ эпакимъ госпамъ! Х-ха-ха-ха!... «

Неизмѣнному моему другу — однокорыпнику Смѣльскому, не жипье, а ма-сляница.... Волтъ если вамъ случип-ся увидѣтъ гдѣ - нибудь его дѣпей, такъ вы вѣрно полюбуетесь ими.... Чудо, что за ребяпа!

Почпеннѣйшій Бенинъ выдалъ замужъ двухъ своихъ дочерей.... Василій Петровичъ живентъ хопъ куда!... То-ли по родепву, по-ли по какимъ дру-гимъ причинамъ, онъ сдѣлался опять

самымъ закадычнымъ другомъ Ивана Дмипріевича Арскаго.... Богъ вѣспь! не *приключилась*-ли какая-нибудь *поставожа* и не подѣлились - ли они по Хрисціански, только со спороны, право, подумаешь, что эпо ожилн Каспоръ да Полуксъ.... Примѣрное согласіе: вмѣспь крадупь, вмѣспь плупують!... Если случился, что они пойдупь *куда-нибудь* вмѣспь *по принадлежности*, тогда я не премину увѣдомипь обь эпомъ особеннымъ объявленіемъ. Теперь вѣрно еще не пришелъ чередъ.

Раиса не выжила замужемъ и года: такъ ей было хорошо.... Миръ ея праху! Филисапа Яковлевна, говорятъ, очень не дурна.... Дай-же ей Богъ хорошаго женишка.

Варинька Лажина.... Но и эта, господа, покуда еще тайна.... Мало - ли

что дѣлается въ сердцѣ дѣвушки? мало-ли кто на кого поспаприваепть, да намъ за чѣмъ смойпрѣпть на эпо?

Иванъ Федоровичъ Зоровъ дожидается, скоро-ли наступипть сыну Вольдемара чепырнадцатый годъ, что-бы сказанъ тогда рѣшиптельно, что выйдепть изъ эпаго мальчика и по какой именно часпи сдѣлаепть онъ переворопть въ цѣломъ свѣпть: Зоровъ пвердо увѣренъ, что эпо родился *генный время*, хопя я также опъ часпи увѣренъ, что знаменипый его ушисипый экспракпець изъ знаменпшой Мегаланпропогенезіи знаменпшаго Роберпа младшаго, по сію пору еще не чипанъ Вольдемаромъ.

Искусникъ Глюкманъ продолжаепть пипть по упрамъ: для попшершанія-па своей-па Нѣмецкой-па фажности, а послѣ обѣда для доказапельства,

что—умѣренность—та есть замое—та
вѣрное—та средство къ сохраненію
нашей—та жизни.

Соничка, эта Сибирячка съ Ипаль-
янскими порывами, раскаялась совер-
шенно въ своемъ минутомъ изступле-
ніи и уже не любитъ никакихъ ра-
скрашенныхъ сѣнниковъ.

— »Что-жъ изъ всего эпаго слѣ-
дуетъ?...« говоритъ мнѣ какой — по
мушина, у котораго цѣль жизни со-
стоитъ въ томъ, что—бы спрашивать,
въ чемъ состоитъ цѣль сочиненій «

Милоспивый государь! отвѣчаю я
ему съ нѣкоторымъ подобоспрашаніемъ,
которое возбуждается отъ сухости
выраженія его лица.... Милоспивый
государь! Мнѣ хотѣлось предостеречь
неопытныхъ, что—бы они не доврѣ-

ли людямъ, которые безпрестанно
божятся и клянутся Богомъ и всемъ
святымъ.... По моему, въ нихъ нѣшу
прока....

— »Такъ-съ!... Но ваша испорія
почти безъ завязки? «

— »Также какъ и всякая, гдѣ ис-
пина играетъ главную роль. «

— »Кспани о роляхъ!... Характеръ
главнаго дѣйствующаго лица не со-
всемъ—по выдержанъ.... Сперва Смо-
ляновъ завёл какой — по дневникъ, а
потомъ нѣшу его и въ поминѣ. «

— »Благодѣтель мой!... Да безха-
рактерность—по и была характеромъ
Владимира Николаевича, покуда онъ не
оспененілся. «

— »Понимаю-съ! «

Не понявши, что значитъ эпо: по-
нимаю-съ, я отъ него подальше, да
подальше и опять воропился на

старое мѣсто, что-бы проспипься совсѣми.

«*Вотъ вамъ и сказъ!*» сказала - бы будучи на моемъ мѣстѣ почпеннѣйшій мой знакомецъ Андрей Михайловичъ Соболевскій, которій смачиваетъ табакъ чѣмъ-то подозрительнымъ и знаетъ всѣ на свѣтѣ законы и указы со временъ Ромула и Рема, до того самаго дня, въ которій вы его увидите.

— «Спало быль ему можно и вѣришь?... Вѣдь онъ не божится?»

Оно-бы конечно и пакъ, полько вы не вѣрыте и ему, попому что никло не можетъ запомнить подобный сумбуръ человеческихъ заптій, и кто утверждаетъ проливное, поптъ лжесть, пакже какъ и почпеннѣйшій мой знакомецъ Андрей Михайловичъ Соболев-

скій которій смачиваетъ табакъ чѣмъ-то подозрительнымъ и знаетъ всѣ на свѣтѣ законы и указы со временъ Ромула и Рема, до того самаго дня, въ которій вы его увидите.

Наконецъ вопшь воззваніе къ некопорымъ.

Я не имѣлъ намѣренія увеличивать сію книгу великодушными бездѣлицами. Я говорил совершенно просто, какъ будто съ кѣмъ выбудъ наединѣ.

Персей.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И УЖЪ РАЗУМЕТСЯ ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Главы.	стр.
XLVI. Еще квипрокво.	5
XLVII. Незнакомая знакомка,	21
XLVIII. Неожиданное опкрыпіе.	31
XLIX. Кпо хуже Тапарина.	48
L. Роковое свиданіе.	64
LI. Душевное паденіе.	86
LII. Все кончено!	99
LIII. Почпловая спанція.	116
LIV. Начало исповѣди.	138
LV. Продолженіе исповѣди.	155
LVI. Конецъ исповѣди.	169
LVII. Похороны.	188
LVIII. Пиръ.	206
LIX. Ужасное упро.	218
LX. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.	228

